

Бастард царя Василия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест
Бастард царя Василия

«Автор»

2023

Шелест М. В.

Бастард царя Василия / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Это продолжение книги "Бастард Ивана Грозного". Главный герой, едва не утративший свои магические способности, пытается жить своим умом и умениями, однако судьба уготовила ему царские почести и царские хлопоты.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2	11
Глава 3.	14
Глава 4.	18
Глава 5.	26
Глава 6.	32
Глава 7.	40
Глава 8.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Шелест

Бастард царя Василия

Пролог

– Вот ты говоришь охота...

– Кто говорит «охота»? Я вообще ничего не говорю...

– Ну, я говорю, – усмехнулся Леший.

– Ну, говори... – сказал Санька и подумал, что мухоморы не дают нужного эффекта.

Не ощущал он ноосферы и память, словно её стёрли. Ту старую память, что, как открытая книга лежала перед ним. В той памяти хранились и книги, и другая информация в том первичном виде, в котором она поступала в мозг. Не в виде «знания», а виде образов, визуальных или звуковых. В первичном формате, как говорится.

Осталось только то, что он вытащил из «той» памяти и использовал уже здесь: карты местности, кузнечное дело, фортификация, кораблестроение. Этого тоже хватило бы на десятерых здешних учёных мужей, но Санька ощущал пустоту и это его тревожило.

Он в очередной раз вздохнул и, сделав трубочкой губы, потянул в себя горячий травяно-ягодный взвар.

– Так вот... Охота охоте рознь, – продолжил нравоучение Леший. – Понятно, что человеку нужно питаться... И пусть питается тем, что есть вокруг него. Но зачем истреблять животинку в запас, а запас отдавать другим.

– Не отдавать, а продавать. Другие продают свои запасы. Это обмен.

Этот спор длился уже почти год. С тех пор, как Санька обосновался в устье Луги и начал строить город. Скажем так... Город, какой-никакой, он до зимы построил. Царь Иван, выполнил своё обещание и не только обеспечил строительство «лесом», но и работными людьми. А к зиме приехали и Бхарма с Иваном Выродковым.

С этими инженерами-строителями дело пошло значительно... э-э-э... Не то, чтобы скорее, а значительно ладнее.

Глава 1.

– Выгребай! – Кричали с лодок сами себе и товарищам лесорубы.

Один струг уже плыл кверху днищем среди наседавших на него брёвен, а вот его гребцов нигде видно не было. Хотя, Санька находился далеко от залома и мог их просто не разглядеть. Его роль в сплаве была пассивной. Тремя связанными брёвнами особо не на лавируешь. Тогда как струги лесорубов крутились, вокруг связанных в единую цепь плотиков, бойко, направляя их по фарватеру.

Они уже шли по Луге, когда Санька, выйдя из-за очередного поворота, увидел впереди залом, а в заломе пытающиеся выбраться из него струги лесорубов.

Санька вставил шест в верёвочную петлю и воткнул его под углом в песчаное дно. Верёвка натянулась. Его связка из двадцати брёвен остановилась, а он, схватив запасной шест, прыгнул в воду и погрёб к берегу. По жёлтому песку он быстро добежал до уходящей вправо песчаной косы, на которую накатывались и накатывались желтые сосновые брёвна. Не очень сильное течение сбивало брёвна в кучу, не наваливая одно на другое как на быстрых речках.

Его опыт сплава леса по речке Бикин в Приморском крае говорил, что пока соваться в залом не стоило. Надо подождать пока всё «устаканится», а потом уже растаскивать и разбирать. Ему это всегда напоминало игру в спички. Когда высыпаешь кучку и вытаскиваешь по одной, чтобы другие не потревожить.

Однако сейчас где-то там в лопнувших связках распавшихся плотов пропадали его временные попутчики. Совсем не друзья, нет. Но Санька вечно брал на себя чуть больше других. Его, как говорила жена, «воспалённое» чувство ответственности за всё окружающее, ведь лесник отвечал и за территорию, и за находящиеся там зверей, и даже людей, не могло позволить ему сидеть, когда что-то происходит. Оттого Санька и нарывался частенько на проблемы.

Сейчас он просто поскакал как заяц по сбившимся в сплошную массу шевелящимся брёвнам к ближайшему перевёрнутому стругу у которого кто-то бултыхался. Струг то и дело притапливался напирющими стволами и чьи-то руки то хватались за всё, что плыло, то просто пропадали под водой.

Брёвен они нарубили и напилили много. Примерно по двадцать было «личных», это больше ста восьмидесяти брёвен, и двести брёвен нарубили по заданию. А речка Луга была не очень широкой. В общем то, как тот же Бикин – метров тридцать.

Санька прыгал по брёвнам легко и буквально в пять скачков достиг первого утопающего, но выдернуть его из наваливающихся на него брёвен, как не пытался, не мог. Санька и приседал, и ложился, едва успевая сам вовремя отпрыгнуть от бревна, иногда встающих почти на попа, пальцы его соскальзывали с кистей рук утопающего, но он так и не смог захватить его так крепко, чтобы вытянуть из воды. Вдруг руки скользнули ногтями пальцев по крутнувшемуся вслед за ними бревну и пропали в глубине навсегда.

Прокрутившись несколько раз, бревно снова показало следы от ногтей. Санька ошарашенно смотрел на три светлые борозды и не заметил, как приподнявшееся бревно стукнуло его по затылку. Санька сам скользнул с бревна в воду, но сознание, слава богам, не потерял.

Он сам, так же, как и давешний утопленник, скользнул пальцами по крутнувшемуся бревну, но больше не стал пытаться залезть обратно. Падая в воду Санька машинально сделал большой вдох и погрузившись под брёвна оттолкнулся от них руками и нырнул глубже.

Вода в Луге была прозрачная, потому что река текла по песку, гравию и, кое где, по известняковым плитам. Санька чётко видел под водой дно и плавающих рыб. От сотрясения в его голове немного гудело и появилось ощущение, как тогда, когда от удара по голове он в первый раз перешёл в тонкий мир.

Санька и сейчас бы, наверное, смог бы «перевернуться», но тело его находилось под водой и надо было не играть в «переходы», а выныривать. Подавив приступ тошноты, он усиленно погрёб руками против течения. Река у дна и у берегов течёт значительно медленнее и ему за несколько гребков удалось приблизиться к краю завала.

Вынырнув, Санька огляделся, увидел всего четыре лодки и поплыл к правому берегу. Залом всё увеличивался. Спасать уже было некого.

* * *

Разбирая залом, просто пускали брёвна вниз по течению. Одна из лодок поплыла перед ними. Санька после того, как оторвали от берега последнее бревно, от предложенного струга, принадлежавшего утопнувшему, отказался, а повёл свой караван, так же сидя на брёвнах. Но это случилось на следующее утро, а в ночь после катастрофы к нему пришёл Леший.

И не подумайте, что Саньке причудилось. Нет. Санька мухоморы тогда ещё не пробовал, и волчих ягод не ел. Он просто лежал возле костра, чуть в стороне от других лесников, смотрел на звёзды, да на огонь, когда слышал тихое покашливание.

Саньке сначала показалось, что это что-то хрипит в него в груди, но потом всё-таки услышал конкретное «кхы-кхы», и очнулся.

– Кто здесь? – Прошептал он.

– Кхы-кхы... То мы... Лесные жители. Хилое семейство. Я лесовичок, а тут ещё и кикиморка, жёнка моя.

Санька встрепенулся.

– Кикиморка? – Санька насторожился. – Что за кикиморка? Кто такая? Откуда?

– Так, это... Моя кикиморка... Тута живём вместе.

– Долго?

– Годов... Не считаем.

Санька взгляделся в темноту. От того, что он до этого смотрел на костёр, его глаза некоторое время ничего не видели. Потом привыкли к темноте, и Санька разглядел «сладкую парочку».

И лесовичок, и кикиморка были очень маленького росточка и какие-то слишком лесные. Одеты в непонятные лохмотья, скорее всего сотканые из мха, они так походили друг на друга, что понять, кто из них кто, Санька не смог.

Словно прочитав Санькины мысли, леший сказал:

– Муж и жена – одна сатана.

Санька вздрогнул, вспомнив, что и Гарпия читала его мысли, вздохнул и согласился:

– Это точно!

Помолчали. Санька не выдержал первым.

– Чего пожаловали? – Спросил он, как можно мягче, чтобы не обидеть.

Предыдущий опыт общения с лесовиком оставил у Саньки впечатление, что существа они обидчивые.

– Помощи просим. Водяной заел совсем.

– В смысле? – Удивился Санька.

– Ну, как?! Берега моет, деревья валит. То тут размоеет, то там речка бежит. И, главное, всё просто от вредности. Не поладили мы с ним из-за моей кикиморки. Давно это было... Захотел её в жёны взять! А где это видано, чтобы кикиморы за водяного шли. Водяные вообще не женятся. Не уж-то ему русалок не хватает?! Вот и вздорим. Давно уже. Утомил он меня... И лесу от того сплошной урон.

– А я как тебе могу помочь?

– Прикажи ему!

– Вот те раз! С чего ему меня слушаться?!

– Ну, как? В тебе сила Гарпии, жены твоей. Она смотрящей по нашему району была.

Санька удивился, услышав жаргонные слова от лешего. Он посмотрел на его пальцы, но те не торчали врасстырку и Санька усмехнулся, подумав, что это выглядело бы забавно.

– Да, я не... – начал Санька, но прикусил язык.

Он хотел сказать, что никто он сейчас и звать его никак. Однако... Хотя силой он пользоваться не умел, но, вероятно, она в нём есть. И нечисть её видит.

– Недосуг мне заниматься делами вашими, лесовичок. Видишь, лес сплаваем. Нельзя его оставить. Не справятся мужики.

– Да, тут делов на полушку. Он где-то рядом крутится, водяной-то. Это ведь он пакость вам учил. Намыл эту косу. Тут ещё давеча ровнёхонько было. Проказничает он. Скучно ему, видите ли. А занимайся делом и скуки не будет.

– Да какое у водяного дело? – Усмехнулся Санька.

– Не скажи-и-и... – протянул леший. – А берега? Что у нас тут за берега? Размытые, не поймёшь где старица а где русло, заболачиваются, река мелеет и красоту теряет. Говорят, ниже по течению даже пороги есть! Красота, говорят! Русалкам есть где развлечься.

– Так, коли болотятся, так кикиморка твоя должна радоваться...

– Не болотная я, – тут же возразила жёнка Лешего. – Это пусть болотные радуются, а я лесная. За грибами и ягодами ухаживаю, да за водяными растениями. Рогозом, например.

– Рогоз я люблю, – сказал Санька. – Рогоз тут добрый.

Санька, действительно, выкопал несколько крупных клубней рогоза, напёк и накормил всех оставшихся «товарищей по несчастью», которые теперь мирно спали, а он, Санька, разговаривал с лесной нежитью.

– Ну, пошли, – сказал Санька и побряхтывая приподнялся.

Спина у него болела, кости ломило, руки ноги ныли. Хорошо приложило его бревном. Да и не одним, видимо, пока его брёвнами перемальвало.

– Наломало?

– Брёвнами бока намяло. И по башке шарахнуло. Аж искры из глаз посыпались.

– Вот эти искры я и увидел. Мы с Любушкой далеко были, когда у меня по голове что-то блыснуло. Я как почувствовал, что это меня шарахнуло. Я даже вскрикнул, да, Любушка?

– Да, мой хороший, – нежно проворковала кикиморка.

Санька шёл за Лешим, взявшись за кончик поданного ему прутика. Сам бы он точно дороги не нашёл, ибо темень стояла кромешная, а тропка виляла меж деревьев. Стволы Санька видел уже тогда, когда они мелькали мимо. Именно мелькали...

– «Странно», – подумал Санька. – «Мы быстро идём, или в глазах рябит?»

– А оказалось, это ты проявился, свет наш, сокол ясный.

– Ты это чего? – Спросил Санька. – Какой я тебе «сокол»?

– Мы тебе потом всё расскажем, – затараторила кикиморка. – Ты, главное, водяного убеди.

– То прикажи, то убеди... Как-то вас не понять, – пробормотал Санька.

– Почти пришли, – произнёс Леший. – Вон видишь, пенечек светятся. Это я тебе его подсветил. Вот на него иди, только осторожно, там коренья кое где.

– Ах, млять! – Санька стукнулся мизинцем босой ноги о что-то выступающее из земли. – Спасибо!

Санька на ощупь добрёл до маленького пенька и услышал, что в заводи кто-то плещется, как большая рыба.

– Водяной, что ли? – Спросил он, вглядываясь в темноту.

Плеск стих.

– Кто это меня спрашивает? – Пробулькило в голове у Саньки.

– Это я тебя спрашиваю, уважаемый. Если ты и есть водяной.

– Я то водяной, а ты кто? Человек, что ли? Так не может такого быть, чтобы человеки меня звали, а не боялись. Да и не видят меня они. Кто ты?

– Смотрящий за вами, – рискнул сказать Санька первую глупость.

– Смотрящий?! – Удивился Водяной, но Санька так его и не видел ещё.

Звёзды, отражённые в тихой воде, он уже видел. Но и всё.

– И кто тебя поставил, смотрящий?

– Он, – сказал Санька и вздрогнул от того, что внутрь него проникло нечто.

– Интересно, – сказал Водяной. – И впрямь человек. Странно. Девочки идите-ка сюда.

Посмотрите на него.

Поверхность воды вдруг расцвела светящимися кувшинками.

– Ни хрена себе! – Сказал Санька вслух.

– Точно человек! – Воскликнуло сразу несколько прекрасных голосов.

Вглядевшись, Санька разглядел в каждой кувшинке девичье лицо. И это была не кувшинка, а широкий пышный ворот сорочки.

Девичьи фигуры вырастали прямо из воды и вскоре они стояли на её поверхности и капли стекали с облегающих тело светящихся платьев. Под тонкой тканью (?) просвечивались изящные тела, которые двинулись в сторону Саньки.

– Какой красавчик! – Воскликнула первая русалка, подошедшая к Саньке и коснувшаяся его груди своей ладонью.

Санька не почувствовал ожидаемого холода. Наоборот, его словно окутало теплом и лёгкостью.

– Он действительно необычный, – воскликнула первая русалка. – Он не боится и открыт для любви. Но у него занято сердце.

Последние слова она произнесла с грустью.

Санька же почувствовал приток силы и понял, что способен вот прямо сейчас перевернуться в тонкий мир.

– Он муж гарпии, – сказала русалка просто. – И в нём её сила. Много силы. Откуда у тебя её сила?

– Мы любили друг друга, – сказал Санька.

– И где она сейчас? – Спросил голос Водяного.

– У Аида, наверное.

Водяной булькнул удивлённо.

– И он не врёт! – Удивилась первая русалка.

– Значит Гарпии нет, и ты решил, что теперь смотрящий – ты?

– А кто? – Спросил Санька. – Ведь кому-то ведь надо.

– Мы и сами с усами, – недовольно сказал водяной, но Санька почувствовал сомнение.

– Ну, как же, с усами? Зачем плоты порвал, мужиков потопил, залом на реке устроил?

– Кто сказал, что это я?! – Делано возмутился Водяной.

– А кто? Я, что ли?! Меня чуть не потопил...

– Ага... Потопишь его. Девонек моих чуть не пошиб. Это ведь точно он был, да девоньки.

Я его теперь признал, хочь и близорук стал.

– Он, он, – запричитали «девоньки».

– И чего же ты хочешь, смотрящий? – С вызовом произнёс Водяной.

Санька присел на светящийся пенёк, для чего чуть отступил от русалки в сторону, потрогал то место на груди, к которому она прикасалась своей ладонью, и сказал:

– Порядка от тебя хочу. Чтобы берега привёл в порядок, мели-отмели зачистил, чтобы и люди могли пользоваться, лес зря не разорял.

– А людям то я с чего бы помогал?

– А с того, что придут они и сами выкопают русла, и так спрямят, что не речка это будет, а водный канал. Знаешь, что это такое?

По булькающим звукам Санька понял, что водяной мотает головой. Где только его голова? И есть ли она вообще?

– Канал, – это вытянутое, искусственно ограниченное пространство, предназначенное для организации связи, передачи или перемещения чего-либо, – сказал Санька текстом из Википедии.

– В смысле искусственно ограниченное пространство?

– Всё просто. Камнем твои берега уложат так, что ты уже баловаться не сможешь, передвигая их туда сюда. И спрямят их. И дно углубят. Рыбу выберут всю.

– К-к-как рыбу всю? А я? А мне? Да что же это?

– А вот не будешь хулиганить. Людям лес нужен, а артель вернётся и расскажет, что лес доставить не смогла и сюда пришлют кучу народа с лопатами и камнем. И крындец твоим заводам с русалками.

Санька так эмоционально произнёс последние слова, что русалки вдруг отшатнулись от него и померкли. И Санька понял, что они тянули из него силу.

– Вот паразитки! – Крикнул он. – Чего удумали! А ну ка кыш отсюда!

Санька выплеснул слова эмоционально и его горловой центр чувств открылся выплеснув силу и Санька тут же его прикрыл, зная, что может улететь всё. Однако и этого выплеска хватило, чтобы разметать струившихся в неоновом свете русалок по заводи.

Стало темно и тихо. Санька продолжал сидеть не пеньке и ждать. Время текло медленно и он, от нечего делать, решил попытаться поднять энергию выше и перейти в тонкий мир. Это, как он не старался, у него не получилось. Зато получилось включить ночное зрение. Энергия, которую он тянул от горла вверх, задержалась в глазах и на мгновение Санька увидел всё очень отчётливо. Но он моргнул и видение исчезло.

– Ладно, ладно! Вижу я, вижу, что ты не такой простой, как хотел показаться. Только девонек моих зря ты обидел. Они не со зла. Сущность у них такая, людской жизнью питаться. А где её тут взять? Редко людишки тонут. Ну, да ладно! Твоя то выгода какая? Если послушаю я тебя...

– Слушай, не слушай, а будет так как я сказал. Если у тебя река станет справной, никто её трогать не будет, а если по болотам её поведёшь, сам приду и поправлю. А выгода моя была и есть одна. Я за порядок. И в лесу, и на реках. И за красоту рек и лесов. А ты что из такой красавицы сделал? Тьфу! Срамно глядеть!

– А ты не гляди, – угрюмо булькнул Водяной.

– Ну, смотри, я всё сказал. Нечего мне с тобой тут тары-бары-растобары вести.

Санька поднялся с пенька.

– Согласный я, – пробурчал Водяной.

– Хорошо! – Сказал Санька. – Тогда завтра поможешь нам брёвна разобрать.

Сказал и шагнул в темноту.

Обратно добирались молча. Леший с кикиморкой почему-то молчали, а Санька почти засыпал и только перебирал ногами, следуя за тянущей его хворостинкой.

Наконец он увидел догорающий костёр и свою лежанку. Нежить исчезла, словно её и не было.

Глава 2

Брёвна выдёргивали по одному и пускали вниз по реке.

– Мне кажется, или река стала поглубже у залома?

– И сам залом вроде поменьше. Уплыли брёвна!

Кто-то из лесорубов вытолкнул струг и двое стремглав полетели вниз по реке.

– Точно размыло за ночь косу, – сказал напарник Саньки по пилке деревьев Федот.

Напарник Федота во время «баловства водяного» сгинул.

– Поплыли вместе, а? – Попросил он Саньку.

– Не, Федот. Я лучше на брёвнышках сзади. Пусть сами плывут. И вы бы не лезли в строй.

Или вперёд до ближайшей косы, а на косе сразу направляйте брёвна по струе, или лучше сзади. Я за вас знаешь сколько брёвен на струю с берега отправил?!

Так и порешали. Один струг, как ушёл вперёд, так там и остался, остальные трелёвщики «паслись сзади», собирая и выгалкивая прибившиеся к берегу стволы. Так тихим сапом, не сильно вымотавшись, за пять дней они доплыли до реки, вытекающей из Луги влево. У лесорубов вместо багров имелись рогатины с крюком. Ими таскать брёвна было не очень сподручно, но на безрыбье, как говорили и в этом времени, и сам станешь раком.

Санька с сожалением вспоминал оставленный им на своей лошадке клевец – боевое оружие, наподобие молотка с крюком на длинной ручке. Он бы сейчас весьма пригодился. А так, приходилось тягать брёвна на «пупе». Однако Санька воспринял эту работу, как тренировку для своего «растущего организма», который он слегка запустил.

И Ямские пороги, и другие пороги прошли на удивление легко, однако плоты разбило окончательно и далее лес плыл каждая дровина сама по себе. А ведь Санька сразу предлагал собрать крепкие двухрядные плоты и править ими шестами, но лесорубы убедили его в своей правоте. А Саньке крепить свои брёвна было не чем.

В Яме не останавливались, хотя Саньке хотелось бы посмотреть город. Однако лесорубы сказали на привале, что: «Говорят, зело там кабаки дорогие. Друг остерегали. Все деньги оставим и брёвна пропьём».

* * *

Россонь вытекала из Луги и впадала в Норову только в случае обильного паводка в Луге, или в случае затора ниже по течению. Об этом Санька упреждал напарников и они, послушав его, заранее собрали весь лес на правом берегу, чтобы не выбирать его потом из залома.

По Луге до устья с грузом никто не ходил, ибо нечего там было делать, а вот в Норову по Россони хаживали постоянно, ибо иного пути в Ивангород летом почитай и не было. Дорога по болотам была, но сколько на ней сгинуло товара, который дьяки отправляли и списывали с регулярным постоянством, уже и считать перестали.

Можно было и от Яма по дороге груз довести, но тогда и цена его значительно вырастет.

Однако прямо напротив истока Россони на правом берегу Луги сплавщики обнаружили небольшое, землянок в десять, поселение.

Санька, как всегда плёлся в хвосте каравана и встречи местных с лесорубами не видел, но отметил на лицах мужиков радушие.

– Как тут? – Спросил Санька Федота.

– Всё ладно. Мужики сейчас сами плотину вскроют и наши брёвна по одному пропустят вниз.

– Плотину?

– Ну да. Не залом – это, а плотина для перепуска воды в Норову. Чтобы пороги скрыть. Но всё одно, правильно, что мы тебя послушали. По одному бревну сподручнее, чем ежели б скопились они там, у дырки, да и затор учинили. Помогли нам мужички брёвна поймать.

Как оказалось, на этом низком берегу землянки, по причине периодической подтопляемости, были временным жилищем косарей. А посёлок находился на другом берегу Луги и вдоль берегов Россони. И был посёлок по здешним меркам очень приличным, домов в восемьдесят. Пороги на Россони присутствовали и иногда она пересыхала, потому работал «волок» в котором участвовали все жители Большого Кузёмкино.

По Луге сплавляли лес постоянно и Кузёмкино было отстроено капитально не чахлыми домишками, а добротными бревенчатыми усадьбами. Видно было, что село не бедствовало. К усадьбам примыкали покосы, разделённые водосточными осушительными каналами, втекавшими в Россонь. Через каналы были перекинута прочные мостки.

Осмотрев село, лесорубы вернулись к реке и решили осмотреть плотину. Надо сказать, что в нижнем течении Луга расширилась до двухсот метров и что там внизу должна быть за плотина я недоумевал. Но всё оказалось банально простым.

Примерно в пяти километрах от Россони показался остров. Река с обеих сторон его обтекавшая застопорилась древним дровяным заломом кое где искусственно засыпанным песком и камнями, а где и просто намытыми рекой. В левой протоке залом имел два шлюза. Один (двойной) для прохода судов, а в другом было установлено рыбочерпальное колесо.

Принцип его работы был прост. Под напором падающей со шлюза воды колесо вращалось и зачерпывало ковшами воду, а вместе с водой подплывшую к шлюзу рыбу, идущую на нерест. Ковши имели огромный размер, но напора воды хватало для подъема, так как ковши имели двусторонние объёмы. Из одного рыба высыпалась в жёлоб, в другой наливалась вода, уравновешивая нагрузку.

Санька заворожённо смотрел, как рыба сыпалась в деревянный жёлоб и скатывалась сначала в большой чан с водой, а из него уплывала в реку. Несколько мужиков с помощью небольших багров отбирали «молочников», как называли тут самцов стерляди, для себя. И Санька понял, что основная функция колеса, это не лов рыбы, а переправка её через плотину.

От простоты добычи рыбы на пропитание Санька ошалел.

Вернувшись в село лесорубы разбрелись по беднейшим домам, где им, за мзду малую, дали пристанище и ночлег. Санька попал в дом молодой вдовицы с двумя малыми ребятишками, которые уже спали за ширмой на полатах. Вероятно, так случилось нечаянно, но кто знает? Народ здесь привык ловить судьбу за хвост. Иначе не выживешь. И все вокруг всё понимали, что вдовицу в жёны никто не возьмёт, а вот на временной основе, глядишь, что и перепадёт детишкам на молочишко.

Санька ночью не блудовал, а отлично выспался и потому был бодр и готов к дальнейшему пути. Однако товарищи его выглядели помятыми и желанием куда-то двигаться не пылали. В конце концов это не его задание было доставить лес в устье Луги и Санька решил тоже расслабиться.

Вернувшись к вдовице, Санька застал её за уборкой, а именно за мойкой полов. Детей в хате не было. Увидев вошедшего гостя, Варвара хмуро окинула его взглядом, не поднимая головы от пола.

– Уходишь? – Бросила она и продолжила шоркать из стороны в сторону по полу тряпкой.

Бёдра хозяйки колыхались на противотакте так заманчиво, что Санька и не заметил, как шагнул к ней и взялся за них руками. Не мог он себе позволить упустить такую красоту.

– Нет, пока. Ещё на сутки остаёмся.

Варвара замерла, почувствовав его плоть, и, оперев руки в колени, затихла.

Санька одной рукой скинул порты и приподнял заправленный за пояс подол, оголив упругие ягодицы, потом слегка присел, ввёл свой напрягшийся уд в горячее лоно и притянул Варвару за бёдра к себе.

Он не торопился, но действовал напористо, и вскоре женщина под ним стала встречать его тело с напряжением и усилием. Потом Санька почувствовал, как его уд несколько раз сжало,

Варвара дрогнула телом, и он, «отпустив вожжи» с нежным рычанием: «Вар-вар-вар-варрра!», выбросил своё семя.

Потом он поднял её на руки. Варвара стыдливо спрятала своё лицо на его мощном плече. Санька шагнул из портов к уже застеленной лежанке и осторожно положил на неё Варвару.

– Дверь прикрой, срамник. Робяты могут вернуться.

* * *

Лесорубы задержались в Большом Кузёмкино ещё на два дня.

Узнав о том, что Санька, хоть и молод, но уже тоже вдовец, селяне прониклись к ним в Варварой искренним одобрением. Глядишь и останется мужик в посёлке. А такие большие и крепкие руки и плечи, как у Саньки упускать было грешно. Вот и принялись селяне Варвару хвалить.

Санька в тот же день скосил всю траву на Варькином покосе. А покос тот ограничивался примерно сотней соток. Примерно пятьдесят больших шагов на двести. Гектар, короче. Ну правильно, коровёнку только с гектара и можно прокормить.

Мужик Варькин потоп в море, куда селяне ходили за сельдью, около года назад и косить траву она в этом году не хотела. Подкашивала слегка, но больше думала о том, кому бы покос отдать за треть сена. А тут привалило бабе счастья.

Саньке понравилось в Кузёмках. Он промерил глубины за островом и принял решение порт ставить там.

Глава 3.

О том, что на Луге поставят морской торговый порт, староста поселения Кузёмок знал давно. Идея эта вынашивалась ещё царём Василием, а Адашев по распоряжению царя Ивана Васильевича уведомил о том, что присылают строительный лес, камень и людей, все городки и сёла Ямской пятины. Предупредил и о том, что руководить строительством станет боярин и царёв советник Александр Мокшевич Ракшай.

Санька о том не знал и, представившись по полному имени, удивился реакции старосты. Тот упал в ноги и запричитал, что-то типа «не вели казнить».

– Ты, Иван Кузьмич, можешь сколько угодно валяться в ногах, однако принимайся за работу. Никого я тут не знаю, а времени у нас с тобой всего ничего. До заморозков. Ибо по зиме сюда приедет государь, смотреть нашу с тобой работу.

Староста на слова Санькины не отреагировал, а продолжал валяться в пыли.

Жители села, видя, что, раз староста упал ниц перед гостем, то и самим тоже надо, сорвали шапки и повалились в пыль.

– Да что же это такое?! – Возмутился Ракшай и вернулся в хату Варвары.

Не заходя в светлицу он нашарил в темноте сеней жбан с квасом, зачерпнул едва ли не полный ковш и выпил не отрываясь. Потом прошёл в комнату. Варвара крутилась возле печи с квашнёй.

– Что вернулся? Али забыл, чего? – Спросила она.

– Понимаешь, Варюша. Я сюда приплыл не просто с лесом, но и по царёву делу.

Варвара подняла от бадьи голову и посмотрела на него светло-серыми глазами.

– Царёву делу? – Удивилась женщина. – Что же ты за человек такой особый? Что тебя сам царь послал по своему делу?

– Обычный я человек, но дело у меня сложное. Надо город построить на Луге за островом, а как начать не знаю.

– И что тебя держит? Чтобы строить, люди нужны, а староста о том строительстве заявил ещё по зиме. Только крикни, люди сами пойдут. Гонец приезжал из Яма. Камень везут из Ивангорода и из того же Яма. На остров и везут.

– Кроме камня и брёвен ещё железо нужно, а для того кузнецам задание надо дать, известь нажечь. Хотел старосту вашего напрячь, но он пока отойти не может от моих слов.

– Каких?

– Ну, что я советник царёв.

– Ты?! Советник?!

Варвара рассмеялась. Санька улыбнулся.

– И боярин.

Смех Варвары прекратился. Она посерьёзнала.

– Вот так раз! Сподобил Бог увидеть живого боярина. Конечно старосту удар хватил! Сейчас и мне житья не будет в посёлке. С поклонами пойдут.

– Зачем? – Удивился Санька.

– С просьбами.

– Какими просьбами? Ведь живут хорошо.

– А! Найдут, что спросить.

Варвара скривилась. Она так и стояла, погрузив руки в тесто и Санька понял, что и она бы бухнулась в ноги, если бы не оно.

– Ты помогла бы мне, Варюш?

– Как? – Удивилась она.

– Ты же вроде прав много больше обычных жонок имеешь: и слово своё на вече, и величают тебя на Варька, а Варвара Пельшина.

– Ну, да... То по мужу моему. Его права берегу.

Она поникла лицом.

– Ну, так с этими правами ты ведь и людьми командовать можешь! И меня представлять. Надо, чтобы ты в Ям съездила и заказала кузнецам скобь. Для царёва дела.

Варвара опешила. Она стояла и, молча хлопая ресницами, смотрела на Саньку.

– Ты слышишь меня? – Спросил он, вздыхая.

– Ты меня отправляешь по царёву делу?

– Да! Ты у меня станешь моим приказчиком. На службу тебя беру! Пойдёшь?

Варвара посмотрела на него с сомнением.

– И жалование платить станешь?

– Стану! Ежели на себя всё возьмёшь, что я скажу, двадцать рублей оклад положу.

Варвара постояла помолчала, потом усмехнулась.

– Говори, что делать, боярин!

* * *

Камня на острове лежало немного. Скорее всего, потому, что растащили. На месте видны были следы каменного скола и следы переката камней до реки.

Санька указал на следы преступления старосте.

– Передай всем. Если ещё застану кого за воровством, засеку плетью. Потом пусть не обижаются. А с знакомых будет особо тяжкий спрос.

Сегодня Санька сказал, сегодня Санька и застал троих на двух стругах. Положил он их всех троих там же на острове повязанных по рукам и ногам, а утром прибыла целая ватага из соседних Малых Кузёмок. Нахраписто прибыла. С претензией на геройство.

Пристали сразу четыре струга, из которых вылезли шестеро крепких мужиков. Чудь, проживавшая здесь, была высокоросла и кряжиста. У всех прибывших соломенные волосы спускались до плеч. Оружия у них Санька не заметил, но в длинных рукавах, прикрывших кисти рук, наверняка прятались кистени.

Два кистеня были и у Саньки. И тоже видно их не было. Однако молодцы, увидев Саньку, тоже высокого и плечистого, прикрывавшего телом пленников, остановились.

– Ты, паря, отошёл бы в сторону, от греха.

– Вы так уверены, что сможете отбить у меня воров?

– Уйди, паря. Мы не хотим брать грех на душу, – сказал первый крепыш.

– А я так с удовольствием возьму грех на свою душу. Мне царь-государь так и сказал: «Ежели убить кого доведётся за дело правое, я отмолю и патриарх грех отпустит». Так и сказал... А потому первому, кто сунется, голову раскромсаю без жалости.

– Всем не раскромсаешь!

– Может и не раскромсаю, а может и раскромсаю, но посмотрите вот сюда.

Санька показал на дерево под которым, тесно привязанные друг к другу, сидели пленники. На дереве висел чан.

– Вот я сейчас дёрнусь в сторону, и чан опрокинется на них, а в чане раскалённое масло. Кому они после этого будут нужны, калеки?

Санька показал на верёвку, привязанную одним концом к его ноге и другим накинутаю на чан. Привязанную к ноге чисто символически очень хитрым само-развязывающимся узлом.

– Вот зверюга! – Сказал мужик постарше.

– Ты себе даже не представляешь, какой, – сказал Санька. – Моё прозвище Ракшай – это по-мокшански Зверь. Я в берлоге с медведицей вырос. Не пошажу никого, до кого достану. А достану я каждого.

– Ну смотри! Это мы тебя достанем! – Крикнул самый молодой.

– Кто у вас старший? Пусть подойдёт чуть ближе. Пока вы не понаделали глупостей. Нападёте на меня, я вас покалечу или поубиваю, это одно дело, но ваши семьи будут угнаны и станут невольными. Вы на царёво дело руку подняли. А убьёте меня – всё ваше село истребят. Вы этого хотите?

Мужики стояли молча насупясь. До них, вероятно, что-то доходило.

– Но ведь не по-людски так-то... С чаном-то... – Сказал старший.

– Подойди ко мне, скажу что-то, – буркнул Санька.

Мужик подошёл.

– Ты главное пойми, что вы сейчас на грани. Шагнёте вперёд и за грань заступите. А за гранью пропасть, в которую вы не только себя, но и ваши семьи потянете.

Санька сделал паузу, чтобы слова дошли до мужика.

– Там, – шепнул Санька, – глеет трава. От того дым идёт. Нет там масла кипящего. И отвязжусь я от него очень легко. Остальное правда. Хочешь верь, хочешь нет. Но побью я вас всех. Лучше вам и не пробовать. Спроси моих лесорубов.

Мужик смотрел на Саньку своими белёсыми глазами, а парень смотрел в глаза ему. Переглядки продолжались какое-то время.

– Они должны быть наказаны, ибо – воры, – сказал Санька. – Я завтра приду к вам в село и выкраду говок1. То ладно будет?

Мужик крутнул головой.

– Вот так-то. А то, что приехали за ними, так забирайте, но по десять плетей каждому обещай. Нет, я пятьдесят отмерю. Каждому из вас. Когда войска государевы придут, всё село высеку, коли не исполнишь. Обещаешь?

– Обещаю, – буркнул мужик.

* * *

Остров в длину имел пятьсот метров, в ширину двести пятьдесят. Правая протока была своего рода перетоком. Когда речка переполнялась, то сливалась поверх правой плотины. Вот эту протоку Санька и придумал перекрыть мостом по выходу из-за острова, соединив остров с правым берегом мостом, лежащим на деревянных быках. А мост тот превратить в широкую разгрузочную пристань.

С этого работа селян и началась. Собирали срубы прямо на воде, наполняя камнем. На двести метров построили сорок быков. Была бы зима, было бы проще строить срубы на льду, но и сейчас к строительству на воде скоро приладились и к августу двухсотметровый причал был готов.

На острове плетёными корзинами с камнем укрепили берег и на северной оконечности начали строить крепостную каменную башню. Рук на всё не хватало, хотя Варвара объездила все городки и выселки аж до самого Балтийского моря.

Лесорубов, кои после доставки леса, переходили в разряд плотников и в подчинение Саньки, долго не понимали сей метаморфозы и не принимали Саньку за вождя до тех пор, пока из Ивангорода не прибыл сам Новгородский воевода – Григорий Андреевич Куракин.

Куракин Саньку знал лично ещё по Коломенскому, где принимал от царя Новгородское воеводство. В самом Ивангороде постоянного воеводы не было, вот Куракин и совмещал в себе сразу несколько должностей.

– Доброе дело ладишь, Александр Мокшевич, – сказал Куракин, оглядев стройку. Ливонцы препоны чинят у своих берегов, насупротив Ивангорода, а здесь место для товарного склада и для гостиных дворов отличное. Говорят, ты и дорогу по болотам сладил?

Санька напрягся. Про тех кикимор, что вперёд его отряда ушли он помнил, но что они что-то учинили из того, что обещали, не знал. Проверить возможности не было.

– Я той дорогой не шёл. Людишек послал, а сам с лесорубами прибыл. Побили отряд наш разбойнички. Почитай один и вырвался.

– Слышал я, что Таракановы государю про то отписали. Мне указ пришёл от государя нашего дознание проведь. Вот еду. Слава тебе господи, что хоть ты живой. А обоз твой, говорят, цел. Токма муку, небось уже съели... Ну да ничего... Я с Таракановых три цены возьму. Всё до копейки вернут. Список мне Адашев прислал. И казну нового города. Тебе велено передать.

– Много у тебя?

– Пять сотен рублёв. Шесть ящиков денег.

– Мне под казну дворец строить надо. И войско охранное.

– Войском пора обрастать. Тут и шведы наезжают на своих барках. До Новгорода доберусь, я пришлю человек пятьдесят с провиантом и фуражом.

– В обозе у меня пищали винторезные были и заряды с порохом. Лошадки.

– Всё! Всё пришлю, не сомневайся.

– И к Таракановым приглядишь, Григорий Андреевич. Воры они. Шайку в лесу держат и купчишек грабят. То верно я знаю. Видел их там, когда на нас напали.

Санька соврал, но знал, что был не далек от правды, и потому совесть его не напряглась.

– Да! Казань взяли?!

– Взяли, взяли. И сразу на Азов пошли. Много ногаев к Ивану Васильевичу примкнуло.

Глава 4.

Проживающий по берегам Луги, в лесах и болотах народ работать ни на кого, кроме себя, не хотел. Царская власть тут была слабая и держалась больше на доброй воле, нежели на силе. Потому Санька в строительстве не особо преуспевал пока не прибыла казна.

Иван Васильевич, или скорее Адашев, нравы местного населения ещё по строительству Ивангородской крепости знали и на добрую волю населения не рассчитывали. Рассчитывать можно было или на принуждение, или на деньги. До принуждения ещё, Санька знал, дойдёт, но начинать с него, значит совсем загубить дело.

Например, в Коломенском жило много самозванных ремесленников, кои конкурировать с Московскими рядами не могли, а Санька, объединив их в гильдию и понастроив делательных мельниц и рыбных прудов, сильно поднял их в статусе, назвав, к тому же, кузнецким двором. И бывшие крестьяне в охотку исполняли заданные им уроки с надеждой в последствии вступить в ремесленную братию.

Здесь Санька решил пойти по тому же пути.

Как-то утром на остров на лодках приплыли старосты, которые должны были привезти с собой рабочих, по одному взрослому с десятка. Санька пересчитал жителей деревень и сел сразу, и требовал совсем немного. Но с каждым разом, особенно в страду, старосты привозили рабочих всё меньше и меньше.

У Саньки уже скопилось несколько бригад лесорубов и стройка худо, но двигалась и без крестьянских рук, но до зимы город без них сладить он не мог.

– Вы, господа хорошие, лучше и не приезжайте, – сказал он старостам строго. – Мне такие работнички не нать. Мы и сами потихоньку гостевые двory да лабазы поставим. Вон, уже и купцы надьсь подходили. Свейские. С Ивангорода к нам по морю завернули. Обещали своих работных прислать, чтобы свои торговые двory и склады строить. Товары свои привезут, а я скуплю всё. Мои склады уже построены. Я и торговлю уже начну. А вы до торжища допущены не будете.

– Это как так? – Спросил староста Больших Кузёмок.

– Как так? – Переспросил Санька. – А так! Какой ваш вклад в строительство торгового острова? Только твоих, дядька Иван, мы пять раз ловили на воровстве. А твоих, Семён, шесть раз. Работать не работают, а пузо дармовой похлёбкой и хлебом набивают. Ещё и воруют. Нам такие работнички не нать. И в торговую гильдию мы вас не возьмём. Все наши лесорубы стоворились и вложились в пай. И я им денег из казны выдам. Закупятся и по зиме поедут в Новгород на крещенскую ярмарку. Воевода Новгородский обещал подводы прислать с лошадьми. Дорога говорит до Новгорода прямая, как стрела и ямы² на ней уже ставят. Государя, чай, ждём... Так то... Ступайте, братцы. Надоело мне вас упрашивать.

– Так мы, – выдохнул староста Больших Кузёмок. – Мы ж строили...

– За то вам из казны было выдано... – Санька пролистнул гробух, – Так... Тридцать... ещё тридцать... двадцать... Ага, всего два рубля и восемнадцать копеек. И вам выдано, господа. Всё! Свободны! На остров боле чтобы ни ногой. И ныне, и присно, и во веки веков... Вход только по пропускам. Тьфу ты... По членским билетам торговой гильдии.

Старосты и приехавшие работать мужики все разом чесали бороды.

– Так и Новгородские товары здесь будут торговаться? – Спросил дядька Игнат, староста Малых Кузёмок.

– Здесь, – передразнил его Санька. – Весь товар скупает гильдия. Иначе торговли вообще не будет.

– А как же мы?

– У меня покупать будете, а я уж вам задам цену! Вы у меня поплачете! – Санька погрозил кулаком. – А скоро войска московские и новгородские придут... Я всё вам вспомню!

Санька развернулся и зашагал на дальний край острова, где строители из лесорубов собирали очередной склад.

Горе-работнички потеряв бороды разъехались, оставив одного Ивана. Староста Больших Кузёмок был ближе всего к Саньке, ибо Санька сожительствовал у него в селе и не раз они вместе пивали горькую.

Однако Иван Кузьмич не скоро решился подойти к Саньке для разговора. Александр и сам был не прочь поработать топором, ибо считал эту работу лучшей тренировкой для воина. Он махал не только правой рукой, но и левой, специально нарабатывая для неё силу, точность и ловкость.

Иногда, он, чтобы перед кем-нибудь бахвальнуться, рубил двумя топорами сразу. Если к тому была нужда, конечно. У шведов они запросили топоры, пилы и иной плотницкий инструмент и вскоре ожидали прибытия негоциантов. Тут Александр старост не обманывал и даже собрал по лесам в долг остатки пушнины под будущий товар. Сейчас она висела в сараях, продуваемых летними ветрами.

Староста подошёл к Александру со стороны левого бока, где его не мог достать топор, тихо кашлянул и тут же начал быстро-быстро говорить.

– Ты, Александр Мокшевич, сам виноват, что не объяснил сразу правильно. Ежели бы ты всё сказал, так как сейчас сказал, то мы бы совсем не супротив были поработать на благое дело.

У них, как заметил Санька, всегда виноват кто-то, и переубедить в этом лесной народ было не возможно, поэтому он не стал даже пытаться, а просто ждал продолжения, прервав, естественно, работу.

– Вот сейчас сказал и всё стало понятно. Поехали старосты за народом, – продолжил Иван и замолк.

Санька посмотрел на старосту.

– Я же сказал, нет вам сюда доступа, – сказал он, сурово нахмутив брови. – И не нужны мне ваши работники. Проваливайте. Я сказал!

Санька снова принялся стучать топором по дереву.

– Ты, Александр Мокшевич, не серчай, – попросил староста. – Ведь сам виноват.

– А раз виноват, то сам и построю город. Уходи, Иван Кузьмич подобра-поздорову, не мешай дело делать.

Староста отошёл аж к самой своей лодке и долго сидел на одном из камней. Вскоре, действительно приехали мужики и держали с ним совет.

– Он вишь, осерчал, – сказал староста Иван. – Говорит, ежели не повинитесь, то и ступайте отсель. Дюже осерчал...

Селяне долго, но тихо переговаривались, потом пошли всем скопом и пали перед Санькой на колени.

– Прости нас грешных, Лександер Мокшевич, – сказал за всех самый старый работник из Малых Кузёмок. – Попутали бесы... Прости бога ради!

– Бог простит, – сказал Санька. – И как мне вам поверить?!

– Поверь, господарь. Не оставляй нас сиротинушек без ярмарки. Томительно в Ивангород хаживать.

– Сиротинушки?! – Переспросил Санька. – Перетянул бы каждого кнутом, да...

– А и перетяни, господарь!

Санька, не долго думая, взял кнут и перетянул чрез спину каждого, не особо удерживая руку. Только самых старых спины он поберёт.

– Всё! Мир! – Сказал он. – Приступайте к работе. – Отныне работаете не за деньги, а за участие в торговой гильдии. Сколько каждое село наработает, столько у него и будет пая в общем деле.

Мужики не особо поняли, но радостно закивали головами и разбрелись по бригадирам.
* * *

После разборок дело двинулось скоро. А когда Санька объяснил старостам про ярмарочный пай, работников сильно прибавилось не смотря на страдные дни. Взволновались малые селения, но Александр и их успокоил.

Выше по течению у острова поставили огромное водочерпальное колесо, поднимающее деревянные ковши с водой на высоту до десяти метров. На самой высоте в ковше сбоку открывалось отверстие, через которое вода вытекала в жёлоб, а по жёлобу в громадную, собранную из дубовых плах, стянутых пеньковыми канатами, бочку. Из бочки, с высоты примерно пять метров, вода растекалась к хозяйским постройкам по деревянным желобам.

Пока стояло лето и часть осени Санька приучил крестьян мыться под струями воды. Душем это назвать не поворачивался язык. Но смывать пот и грязь было удобней, чем в реке. В реке тоже было не плохо, но Санька считал, что с лейкой стало лучше. Да и стирать бабам стало сподручней.

Да, вслед за мужиками, на острове появились и бабы, которыми руководила Санькина Варвара. А вслед за бабами появилось и приличное жильё. Сначала землянки, а к холодам над ними поставили срубы.

Шведы до зимы приезжали неоднократно. Привозили запрошенные нами топоры и пилы, немного меди. С собой увозили солёно-копчёных лосося, угря и лес.

Открытие нового торгового порта шведы восприняли не однозначно. Ливонские рыцари чинили русичам экономическую блокаду и в Ивангород ни шведов, ни данов, ни ганзейских гостей орден не допускал. Именно поэтому Русские купцы, в основном Новгородские, торговали в Шведском Выборге. И шведские, и русские купцы приезжали в Выборг, и таможенные сборы оставались в Выборге.

Русские спускались в Ладожское озеро из Новгорода на маломерных судах, по сути больших лодках, из него по Неве в Финский залив. В устье реки лодки собирались в гурт и двигались вдоль берега на север. Во время морского перехода русских купцов иногда грабили. Те же шведские купцы и грабили.

Александр Ракшай, назначенный царём Иваном Васильевичем градоначальником им построенного города Усть-Луга, объявил о том, что в порту будет действовать особая таможенная зона, с фиксированными сборами: по десять копеек с рубля за продажу соли и по пять копеек с рубля со всех остальных товаров. Транзит во внутренние города России иностранным купцам был запрещён. К тому же, при поставках товаров на экспорт в Усть-Лугу товар от проезжих пошлин освобождался.

Санька в Коломенском поставил таможенный склад, в котором аккумулировался и опечатывался товар. Это были льняные и шёлковые ткани, вытканые по новой технологии, пенька. Здесь на берегах Луги Санька решил организовать канатные мастерские. Он вполне себе представлял как это сделать, так как сам порой плёл и канаты из верёвок, и сети, и силки из конского волоса, в которые живность почему-то ловилась лучше.

Для Александра стало неожиданностью, что в царских закромах хранился шёлк-сырец. Когда они с Адашевым планировали развитие иностранной торговли через устье Луги, Санька спросил, чем, де, торговать? И тогда узнал, что Москва является транзитёром персидских товаров.

Из Персии в Россию везли, главным образом, шелк-сырец, сафьян, камку и бархат, ковры, бирюзу и другие драгоценные и полудрагоценные камни, а так же индиго и нефть. Персы с

охотой торговали через Россию, так как практически весь персидский шелк производился в Гиляне, на побережье Каспия. Это предопределяло его дешевизну.

С учетом транспортных расходов доставленные в Астрахань два тюка шелка стоили не более 4 талеров. Если те же два тюка везти на верблюдах в Ормуз для продажи английской Ост-Индской компании, то это занимало от 80 до 90 дней, причем ежедневно обходилось в сумму от 0,5 до 8 реалов. Кроме того, персы с неохотой торговали шелком через Турцию, поскольку это приводило к обогащению их стратегического соперника. Поскольку персы не могли напрямую сбывать свои товары в Европе, а английская Ост-Индская компания предлагала грабительские цены за персидские товары, шахи рассматривали каспийскую торговлю как один из важнейших альтернативных путей в Европу.

Из шёлка-сырца Санькины ткачи очень просто выткали ткань. Сначала просто взяли шёлк-сырец без обработки. Получилась грубоватая, но очень крепкая ткань. Из неё Александр пошил себе зимние тёплые куртки с мехом вовнутрь и штаны. Но для экспорта такая ткань не годилась. Тогда, по совету мастериц, шёлк-сырец промыли в горячей воде с добавлением жидкого поташного мыла, и он стал намного белее и мягче. Получилась отличная мягкая шёлковая ткань, вполне пригодная, по разумению Александра, для экспорта.

Новгородский воевода прислал десяток конных ратников с небольшим табуном лошадок уже через месяц после своего отъезда. Санька оставил строительство и решил проехать по новой Новгородской дороге, что пробили Куракинские люди от Усть-Луги по тому путику, что проложили Санькины кикиморки.

Он решил устроить себе небольшой отпуск и, взяв в дорогу припасов, проехал светлый день и на закате солнца разбил привал возле небольшой речушки. В заботах и хлопотах Санька совсем перестал заглядывать в себя. Он сильно уставал, вырубался сразу после ужина, просыпался рано и спешил на стройку. В таком же графике работали и его лесорубы, которым было обещано многое.

Расположившись на обдуваемом августовским ветерком пригорке, Санька развёл костёр, ободрал случайно подбитого кистенём зайца и устроил его на огне. Его любимая лошадка, мирно паслась стреноженная. Сам Санька в ожидании жареного мяса драл зубами копчёного лосося, закусывая его сухарями и запивая холодным травяным отваром.

За день пути Санька проехал километров тридцать, но оценил расстояние на глазок. Теперь он лежал на спине и думал, как сделать простейший одометр, чтобы поставить его на телегу и замерить расстояние точнее. Но это будет зависеть от того, какая получилась дорога. Пока дорога Саньке не нравилась. В некоторых местах лошадка увязала вполне себе конкретно. Значит, подумал Санька, до сюда кикиморки не дошли.

Санька усмехнулся. Он не знал технологию «терраформирования»³, применяемую кикиморами, и насколько она производительна. Вполне возможно, что кикиморки, узнав о том, что их «коллективный договор» с Санькой расторгнут по причине возвращения Гарпии в Аид, недоделали работу по осушению болот и превращения их в реки.

Санька не заметил, как уснул, и так и не попробовал совсем сгоревшего на костре зайца.

Следующий день принёс Саньке несколько неприятных моментов, связанных опять же с дорогой. Проложенная по болоту гать всплыла от дождей и Санька, вовремя не спешившийся и понадеявшийся на крепость уз, рухнул вместе с лошадкой в топь и едва не захлебнулся.

Хорошо, что он не выпустил из руки повод, так как улетел гораздо дальше лошади, и выполз из трясины, благодаря ему.

Второй раз уже лошадка так увязла по брюхо, что Санька с трудом вытащил её из ямы. Благо, что рядом поверхность была крепкой.

На закате ни речки, ни ручейка они не нашли и им пришлось ночевать на мокрой болотной земле. Санька негодовал на Куракина описывавшего в своём послании дорогу в превосходных красках.

– «Какая же она тогда была?», – думал Санька, злясь и представляя, как он будет возвращаться.

Срубив несколько чахлах деревьев, он сложил и связал получившиеся брёвна вместе и разлёгся на импровизированном ложе, тихо поругивая кикимор. На нём же он развёл и костерок, дабы вскипятить воду и просушить одежду. Болотную он пить так и не привык, хотя в «медвежьем» детстве пытался.

Настроение у Саньки было мерзким и он поминал не только кикимор, но и свою бывшую жену Гарпию, и всех домовых с лешими. Вот тут и проявились Леший со своей Любушкой.

– Кхе-кхе! – Услышал Санька. – Чего не добрым словом поминаешь, Александр Мокшевич. Вроде бы ни в чём не провинились перед тобой.

Санька аж подпрыгнул на своей «лежанке».

– Фу-ты! Напугал, леший тебя забери.

Леший рассмеялся.

– Кхе-кхе! Как же я сам себя забрать могу? Хе-хе-хе!

Леший и кикиморка стояли совсем рядом и, как и тогда, в первое своё появление, держались за руки.

– ВЫ так и ходите, по лесу и болотам? – Усмехнулся Санька.

– Как? – Спросил Леший.

– За руки держась.

– А что? – Удивился Леший.

– Тебя, кстати, как звать-величать? Любушку я твою знаю, а тебя, вроде как и неприлично... э-э-э...

– Моховы мы, – перебил Санькины объяснения Леший. – Мох Мохыч Мохов.

– Вот так вот просто? – Усмехнулся Санька.

– А чего мудрить? Детишки у нас появляются, когда мы к Маре уходить соберёмся. Сынок тоже Мохом будет.

– Логично, – согласился Санька.

– Так, что звал, то? – Спросил Леший.

– Да, я, вроде, и не звал...

– Звал-звал... – проговорил Леший. – Мы бы так не пришли. Рассказывай. Тяжело пришлось?

Санька помолчал, потом пожал плечами.

– Да, не особо.

– А что тогда?

– Не знаю... Да вы устраивайтесь возле костра. – Санька даже отодвинулся.

– Видно, тебе совсем тяжко, ежели ты нежить к своему костру зовёшь, – усмехнулся Леший.

Санька понурился.

– Что-то устал я, Мох Мохыч, – сказал тяжело вздохнув он. – Замахнулся город построить, а ни сил, ни особого желания, что-то нет. Трудно с людьми. Не хотят работать даже по уговору. Так и норовят извернуться. То рука болит, то нога, то живот. То дождь, то солнце жарит. А мне, что, больше всех надо?!

– Так твоё же дело то... Не их...

– Так я же вроде плачу...

– То-то и оно, что вроде. Обещаешь. А обещанного три года ждут... Дай им деньгу малую, но ежедневно. Хоть по копейке. Увидишь...

Санька удивлённо и недоверчиво скривился.

– Ладно, попробую. Ну, а кикиморы. Я рассчитывал на них, а они... Путик не построили... Что сейчас делать. По зиме-то ладно, а мне уже сейчас тракт нужен.

Леший почесал лохматую голову, и крикнул.

– С кикиморами, да... Оказия вышла... Вон моя Любушка знает, общалась с ними. У нас тут болот много, кикимор мало. Если и есть, то больше – лесные. Вот и удивились мы, когда вдруг по весне, как только лёд сошёл, кикиморки в болотах появились и ну перекраивать всё по-новому. Здешний болотный народец: болотники, шишиги, кикиморы и их игоши, взбунтовались против них, ополчились, а твои кикиморки вдруг силу свою показали. Силу Гарпии... И хозяйничали по болотам здешним до самого тепла, а потом вдруг попрятались кто куда.

Леший замолчал. Перебирая бороду он приблизился ближе к огню.

– Так они были тут? – Спросил Санька.

– Были. И там, где мы с тобой повстречались, были и тут. Токма тут они не долго хозяйничали, оттого болото снова затянуло сушь. А так тут даже лес расти начал и те деревца, что раньше росли, воспряли от гнили.

– Слушай Леший, а ты разве и тут живёшь? – Санька вдруг осознал, что от того места, где они повстречались на реке Луге, довольно далеко.

– А что нам? Мы особые тропки знаем. Помнишь, как мы с тобой к водяному ходили? Озерцо то, где он с русалками нежился, тоже не близко пряталось. А мы, раз-два и прибежали. Ты сам бы дня два шёл.

Леший захихикал.

– Мы – Лешие, лес бережём. От людишек да от хвори лесной. Там, где вас – людей, нет, и нас немного. Потому мы и бродим по лесам с приглядом. Нам семь вёрст это десять шагов.

– Смотри какие шаги делать, – вставила Кикимора Любушка.

Санька вдруг захотел в Коломенское к Мокше и Лёксе, где всё понятно и обустроено. Он вздохнул.

– Раньше и я так мог!

– А сейчас что ж? – Удивился Леший.

– Я через верхний мир ходил. Сейчас не могу. Пока.

– Через верхний?! Мы так не можем. Кто-то заклятье наложил?

– Сам я наложил! – Усмехнулся Санька, не уточняя что наложил и куда.

– Бывает, – тут же согласился Леший.

– Может тебя домой отвести? – Спросила Любушка участливо.

– А где же кикиморки подевались? – Спросил Санька, вдруг подумав, что может быть они и впрямь просто попрятались.

– Дык... Позови. Твой зов сильный. На него не откликнуться трудно, – сказал Леший качая головой. – Мы вон откуда слышали. Да, Любушка?

Маленькая Любушка, одетая в цветастый сарафан и повязанная такой же косынкой, но босая, утвердительно кивнула.

Санька снова наполнил свою голову мыслями о кикиморках, о их задании, о том, что он гневается и сказал:

– Прошу встать передо мной, как лист перед травой.

Это он вдруг вспомнил фразу Ивана из сказки про конька-горбунка.

Только он это сказал, как Леший с Кикиморой исчезли, а перед ним встали в ряд его девицы-воительницы. И не две, три, а все сорок с лишним. Мороз пробежал по Санькиной коже, но он вида не подал. Хотя пробрало его сильно.

Уже совсем стемнело, а кикиморки предстали перед ним в совсем не благолепном виде. Кто как просто древние старухи, кто как скрюченная нелюдь. Все они были одеты в грязные лохмотья и жутко смердели.

– Да-а-а... – сказал Санька. – Если во сне такое приснилось бы, то и не проснулся. Что же вы так себя запустили, девушки?

– А зачем нам? – Спросила одна. – Людишек тут нет. Перед кем нам красоваться?

– А обещал... – Сказала другая.

– Сам сослал нас в глухомань, и сам насмешается! – Обиженно вскрикнула третья.

– Так-так-так! – Поднял руку Александр. – Давайте разбираться по порядку.

Его душил смех, но он пока сдерживался. Саньку вдруг обуяла безумная радость. Такая радость, что он готов был «заскакать козлом». Он-то думал, что все его помыслы рухнули, а нет...

– Кто вас сослал и куда?

– Ты сослал! Гарпия!

Раздались возгласы.

– Нас сюда, а сама, то к Аиду своему!

Последняя фраза резанула Саньку по сердцу, но он промолчал, не стал объясняться, а шагнул в толпу кикиморок. Перед ним расступились.

– Ну, куда и к кому отбыла ваша начальница, то не вашего ума дело, – начал он строго. – А поставленные задачи с вас никто не снимал. Вот вернётся она, что вы ей скажете? Ведь ответ придётся держать!

Он возвысил голос, добавив властности.

– Так силы у нас иссякли, а местная нежить мешает, – крикнули из толпы. – Где до конца сделали и закрепили её именем, то и стоит до сих пор, не болотится. А тут вон оно как...

– Так вы моим именем крепите, – вдруг сказал Санька.

Кикиморки замолчали, обдумывая сказанное Санькой.

– А с мужичками скоро наладится. Вот доделаете путик, и мужички появятся. Кстати... Мне уже сейчас нужны десяток воительниц. Для них уже сейчас у меня в городе пара найдётся. Да и корчму запускать надо... Короче! Слушать мою команду!

Кикиморки вытянулись в струнку. Санька усмехнулся. Не прошла для них даром «учебка». Даже кривые построинели.

– Завтра всем прибыть в город Усть-Лугу «конно и оружно».

Он вспомнил где-то слышанную им фразу: «Конно и оружно».

– А где же мы коней найдём? – Спросили из толпы.

– Где хотите. Своих бросили? Вот и выкручивайтесь.

Кикиморы загалдели, обсуждая невыполнимую задачу. Потом кто-то из них сказал:

– А если оборотней позвать? Можно?

Санька удивился, но вида не подал.

– Если договоритесь, чтобы они не творили пакости.

Кикиморы обрадовались, рассмеялись.

– Тут их много. Они людей сторонятся. Но нам помогут. Побудут нашими кониками.

– Пришлось с ними сойтись, – сказала ближайшая.

– А как же свет дневной? – Спросил Санька.

– Что, свет дневной?

– Не убояться?

– Это же не вампиры, а оборотни, – рассмеялась кикимора. – Этим хоть ночь, хоть день.

На том и порешили.

После того, как по его хлопку исчезли кикиморки, Санька позвал Лешего и тот появился.

– Ты куда исчез, Мохыч?

– Да ну их, твоих кикиморок! – Махнул рукой Леший. – Дикие они у тебя какие-то. Буйные. Сразу видно, что городские. Мы – народец тихий, спокойный, а они шустрые дюже. Да и сказанул ты так, что нас как ветром сдуло. Сильный позыв у тебя. Всех кого не касается выносит с этого места.

– Не знал. Вы предлагали меня до дома отвести... С лошадкой сможете?

– Сможем, – спокойно ответил Леший. – Повод мне отдашь и поехали.

Санька шустро загасил огонь пионерским способом, чем сильно удивил Лешего, запряг лошадку и уже через несколько минут стоял на правом берегу Луги перед островом.

Глава 5.

Когда на следующее утро в Усть-Лугу входил женский конный взвод городской охраны, работа в городе натурально застопорилась. Весь мужской коллектив большой стройки раскрыв рты глазели на проезжающих мимо воительниц.

Медные панцири и шлемы сверкали. Мощные «кони» ржали и били копытами. Девицы весело переговаривались и строили глазки крестьянам. Крестьянские бабы недовольно косились то на своих мужей, то на воительниц, но лишь злобно шипели и плевались.

Санька строил стапеля для верфи на северной оконечности острова и услышал о прибытии отряда от одного из лесорубов, прокричавшего дико и радостно:

– Бабы-ратницы приехали! Много!

Санька заложил небольшой плотницкий топор за пояс и, обтерев лицо и руки от пота и пыли, поспешил на центральную площадь.

Кикиморки уже спешили и стояли, построившись в две шеренги. Центральная, а в дальнейшем торговая площадь, была размером с футбольное поле и пока совершенно пуста. Поэтому сорок девиц с «конями» на ней разместились легко. Александра, появившегося на площади, воительницы приветствовали стуком кулака в медный нагрудник. Это было отработано ещё в Твери на Санькиной усадьбе, где воительницы проходили курс «молодого бойца».

– Равняйся! Смирно! – Крикнула взводная. – Равнение на середину.

Она подошла к Александру, доложила о прибытии. Санька поздоровался и услышал резкое и громкое:

– Здравствуй!

После этого девицы весело отвели «коней» в конюшню, а сами определились в казарму, которая представляла собой невысокое длинное помещение с низкими лежанками, возле которых с торца на стенах можно было разместить доспехи и оружие. Что и было сделано девицами с превеликим удовольствием. Они хотели сразу бежать купаться, но Санька этого безобразия не разрешил. Тогда бы точно рабочий день можно было списать на форс-мажор.

Саньки «кони» понравились и он прошёл вслед за ними в конюшню, но когда он попытался похлопать одного из «коней» по крупу, то «конь» обернул к нему морду и угрожающе сверкнув глазами, сказал:

– Даже и не думай! Я не посмотрю на твою силу. Так копытом припечатаю...

Санька немного опешил от неожиданности, но потом усмехнулся и ответил:

– Я машинально. Извини. Очень похож.

Конь весело заржал.

– Что не сделаешь ради женщин!

– И то верно, – согласился Санька. – Сена дать?

– Да иди ты! – Заржал оборотень. – Шутник!

Санька немного посмеялся и из конюшни вышел.

С кикиморками сразу все дела пошли на лад. Заработала корчма, где бесплатно кормили всех рабочих. Заработала Санькина канцелярия. Была взята под охрану казна, а десять мужиков – ратников включились в строительство.

Остров был практически застроен... Кроме открытой верфи, в которой Санька намеревался ремонтировать и строить морские корабли. Остров имел небольшой «изъём» в виде лагуны. Вот в ней, углубив дно и выровняв берега, Санька и строил верфь.

С прибытием девиц-воительниц и их коников, рабочих рук у Саньки прибавилось, и он замахнулся на расширение городка дальше по берегам Луги.

В день прибытия кикиморок, вернее поздно вечером, и они, и оборотни, по просьбе Саньки собрались в казарме. Санька ещё ни разу не видел оборотней и разглядывал их с инте-

ресом. Это были люди с волчьими головами, и человеческим телом, сильно покрытым шерстью. Намного сильнее, чем было у Саньки, когда он родился в этом теле.

– Меня зовут Ракшай Мокша, что означает – Зверь из рода Мокши, – начал он. – Зверем меня прозвали родители, потому что я при рождении был покрыт волосом. Почти, как и вы. Поэтому люди отнесли меня в лес и положили в берлогу. Медведица приняла меня и выкормила.

По толпе оборотней и кикимор, они тоже не знали эту историю, прошёл гул.

– Но родители тоже не отказались от меня и вскоре забрали к себе. Так я стал человеком. При рождении я получил особый дар переворачиваться, перемещаться по тонкому миру и получать энергию солнца. Так я познакомился с Гарпией. Дальше историю вы, скорее всего, знаете.

Санька замолчал. Молчали и оборотни. Потом вышел чуть вперёд один из них.

– Мы тоже переворачиваемся, и можем перемещаться по тонкому миру, но получаем силу не от солнца, а от луны.

– Если ты оборачиваешься, то можешь обернуться в нежить, как и мы в живое, – сказал другой оборотень.

– А значит, мы тебе братья по матери, а ты наш брат по отцу.

– Это как это? – Удивился формуле родства Санька.

– Ты же Мокша, значит твой народ рождён от богини Мокоши, а мы – дети Велеса, который похитил Мокошь у Перуна.

– Может быть, может быть... – хмыкнул Санька. – На ожидал встретить тут родственников. Значит все мокши ваши родичи?

– Нет, – покрутил головой первый оборотень. – Только те в которых есть кровь нашего отца – Велеса. В тебе она есть. Не всякий человек ходит по тонким мирам.

– Это всё здорово, – сбросив с себя морок задумчивости, сказал Санька, – но что делать будем, родственнички? Поможете мне по свойски?

– Что делать надо, брат? – Спросил первый оборотень.

– Хочу здесь построить город и жить в удовольствие.

– У нас с тобой разное понятие об удовольствии, – сказала вторая нежить.

– Похоже, что ты не прав, брат, – усмехнулся Санька. – Нас сильно объединяет одна страсть – женщины. Ведь вы, как я понял, из-за кикиморок сюда пришли?

– Ну... Не то чтобы из-за них, – рассмеялся первый. – Наши три брата прикипели к твоим девицам и попросили нас помочь им выполнить твой приказ. Вот мы и обернулись на время копытными.

Всё оборотни почти дружно засмеялись. Смеющиеся волчьи морды выглядели ужасно и Санька спросил:

– А вы не могли бы принять более человеческий облик? Если вам не трудно?

Нежить притихла, о чём-то посоветовалась и обернулась в ладно сложенных людей, одетых в разную крестьянскую одежду.

– Ух, ты! – Восхитился Санька. – Эх, мне бы таких работничков! Идите ко мне! Живите здесь.

– Мы, может быть, и согласились, – сказал первый оборотень. Он, наверное, был среди них старшим. – Да люди не любят нас. Бьют. А мы ведь зла людям не делаем. Они путают нас с такими как ты, которые, будучи людьми, оборачиваются в нежить или в зверя. Встречают в лесу и убивают. Нам приходится защищаться. Ну и... Враждуем...

– Но здесь же вы будете в образе людей...

– Не можем мы долго так оставаться. Ночью нам надо оборачиваться. Ну, или через день. Нет у нас силы солнца.

– Так у меня возьмите. Давайте попробуем. Всё для вас какое-то разнообразие. То вы всё по лесу бегали, а теперь здесь поживёте. Девочек человеческих попробуете.

Последние слова прозвучали довольно двусмысленно.

– Я имел ввиду, как девочек, а не как...

– Да мы поняли, – усмехнулся второй оборотень. – Не переживай. Не тронем мы их. Нам лесной дичи хватает. Да и не едим мы много. Мы как волки. Кролика съел и неделю можно бегать за другим.

– С нашими девочками на одном кролике в неделю не продержитесь, – рассмеялся Санька. – Договорились, значит?

Оборотни снова пошептались.

– Давай попробуем. Всё равно наши братья здесь пока останутся. Пока их кикиморы у тебя служат. И мы с ними побудем. Чтоб никто ни того... этого...

* * *

Если кикиморы попадались вполне образованные, то оборотни человеческой грамоты не знали вовсе. Ни грамоты, ни человеческих навыков. Силы они были недюжинной, но и только. Умом они тоже не сильно блистали. Были молчаливы и, чаще всего, хмуры. Но как настоящие оборотни, они, как оказалось, могли подражать действиям людей.

Санька поначалу использовал их в качестве «подай-принеси», то есть в качестве грузчиков и дробильщиков камня. Силой оборотней папа-Велес не обидел, да и где надо они могли прибавить «мощности» за счёт внутренних резервов. Но потом Александр заметил, что сначала один оборотень взял в руки инструмент, потом другой. Так в течение месяца все вновь «трудоустроенные» оборотни овладели плотницкими и каменщицкими профессиями на очень неплохом уровне.

Местные мужики даже смеялись и шутили про меж собой, что, де, «пришлые поначалу «Ваньку валяли» чтобы не работать, а когда узнали, что в долю купеческую можно войти, так сразу обернулись...». И слово, то какое было выбрано, «обернулись»... Как будто, что-то знали.

Новые работники влились в коллектив свежей струёй и своим трудом взбудоражили остальных. Народец из ближайших к стройке селений был «ушлый». Даже не смотря на обещанные Александром будущие преференции в «жилы рвать», как говорили крестьяне, никто не хотел.

Они в конце концов сговорились промеж собой о деле в «гильдии» и о том, что напрягаться не будут, поэтому ходили по стройке, как сонные мухи. И это при том, что Санька гонял их в буквальном смысле на пинках.

С появлением «пришлых» работников конкуренция резко усилилась, ибо Санька расписывал трудодни не только по их количеству, но и по качеству работ. На въезде в «город» стоял щит с нормами выработки: переноска камня – столько то условных денежных единиц, обтёска камня под мостовую – столько-то, под кладку набережной – столько-то, кладка – столько-то... И так далее.

И если раньше все старались взять «лёгкие» работы, то через месяц стало, как в незабвенном фильме: «карьер – я, щёбёночный завод – я». Крестьяне стали «рвать» на себя самые сложные работы. А просто потому, что Санька как-то однажды подсчитал сделанное вновь прибывшей бригадой, сравнил с показателями остальных и объявил о том на утреннем «разводе». И для «остальных» стало неожиданным, что новенькие уже обогнали по показателям отстающих, и почти сравнялись с лидером – строительной бригадой села Большие Кузёмки. После этого и началось...

Оборотням соревнование было побоку и свою долю в «торговой гильдии» они отдавали Александру, но о том они никому не рассказывали, так как были ну совершенно нелюдимыми и в пространные разговоры с «остальными» не вступали, за что получили прозвище «немцы».

В начале ноября Ракшай отправил царю Ивану письмо с отчётом, в котором писал: «И всего, Великий государь Иван Васильевич, построено: городская каменная стена длиной три тысячи сажень с двумя башенными воротами, высотой от двух до пяти сажень, водяная башня и хозяйские постройки с банями, русский и шведский гостиные двory со складами и жильём, склады купеческие, постоянный двор с корчмой, судоремонтная и строительная верфь со стоянкой на сорок средних судов, причальная стена с механическими порталными кранами».

Кроме того, о чём Санька указал в письме царю, были построены две башни и ряд построек по обоим берегам Луги чуть ниже острова по течению. Оборотни не желали жить в гуще народа, и выкопали себе землянки на отшибе, заодно выполняя функции ночного дозора. Людская работа оборотней практически не утомляла, и ночью, обращаясь в нежить, они продолжали жить своей специфической жизнью.

Санька не мог управлять своей «солнечной» силой, но чувствовал, что он продолжает в нём копиться. Тот процесс, который он запустил почти сразу после того, как нацчился переходить в тонкий мир, продолжал работать. Раны его, а строек без «несчастных случаев» не бывает, заживали быстро. Однажды случился серьёзный перелом руки, который Санька, путём поглаживания, залечил в течении суток.

На оборотнях вообще всё заживало почти мгновенно, ибо их тела были не совсем настоящими, и Александр был вынужден попросить оборотней имитировать выздоровление. Однако они придумали менять раненному обличие. Уносили раненного в казарму, а из казармы выходил здоровый «человек», совсем не похожий на раненного.

Санькины девки тоже легко влились в коллектив. Не форсируя, по настоянию Александра, свои любовные игры, и строя из себя недотрог, девицы заслужили уважение местных баб, как замужних, так и девок. К тому же кикиморки активно взялись за Санькино хозяйство и кормёжку строителей, а это та ещё канитель. Кто знает, тот вздрогнет.

Строителей еженедельно обстирывали и кормили два раза в день. Даже оборотней, которые с удовольствием уплетали тушёное мясо и кровяную колбасу, которую простой люд не ел. За поедание варёной крови в чреве, их и приписали к «немцам».

И вот, наконец пришёл тот день, когда восточная застава салютовала прибытию царя холостым выстрелом из дубовой пушки. Проморенная в аммиачной воде пушка перенесла выстрел и, как показали дальнейшие события, не один и даже не холостой.

Царь Иван Васильевич прибыл с таким эскортом, что жилья на острове не хватило и кое кого из ратных расселили по берегам Луги. Прибыл Сильвестр, Адашев, Романов-Юрьев, Шереметьев и куча дяков. Съестных запасов тоже было маловато и оборотни ушли в лес на заготовки.

– Слушай, Иван Васильевич, я твою ораву не прокормлю. Мы посчитали... С тобой было восемьсот тридцать два рта. Это помимо ратных. Ратных, по словам твоего воеводы ещё тысяча человек. Зачем тебе столько?

Санька, Иван Васильевич, Сильвестр и Адашев сидели в бане. Они уже погрелись после дороги в парилке и возлежали на деревянных ложах, по типу римских покрытых тонкими соломенными матрасами.

– Половину отправлю в Ивангороде, немного тебе. Привезли твои винтовые пищали, что ты оставил в Новгороде, четыре пушки и зелье с дробом и пулями. Ядра сам теши.

– Натесали уже.

– Да, как же ты мог натесать, коли пушки токма сейчас привезли, – удивился царь.

– А вы Мокшины пушки привезли?

– Ну да. Твои... С Коломенского кузнецкого двора.

– Тогда я их размер знаю. Они единообразные. Вот, смотри.

Санька подошёл к столу, на котором стояла снедь и питьё, и взял свой кинжал.

– На обушке риски видишь? – Спросил Санька. – Это мера, о которой мы с Мокшей сговорились. Он по ней льёт и режет отверстия. Для пищалей, для пушек... Да любое. Для пищалей двадцать две линии, для пушек сто. Вот мы и натесали ядра...

Государь потрогал пальцем миллиметровую пилку и нервно дёрнул губами.

– Как всё просто, – сказал он и провёл зубьями по деревянной столешнице. Пилка «джикнула» и на пол посыпались опилки.

– И полезно. Жилы на охоте можно резать.

– А ежели другое отольёт, то пришлёт мне записку с цифирью и я смогу другое ядро вытесать пока он пушку отольёт и пришлёт.

– Ведь так можно ранее готовить ядра и пули, – сказал Адашев.

– Мы ведь так и делали в Коломенском, – сказал Александр. – Когда к походу на Казань готовились. Или не заметили?

– До того ль было? – Усмехнулся Адашев. – Всяк своим делом занимался. Но то что ядра и пули летели ровно в цель, то их заслуга, государь. Помнишь, я всё удивлялся?

– Как не помнить. Мы за то и Мокшу твоего наградили... А это, значит, ты придумал?

– Я, государь. Но мне награды не надо. И так милостью твоей обласкан. Едино прошу дозволить мне своих людишек на таможенные и торговые сборы поставить и часть сборов в городе оставлять.

– Ишь, чего удумал?! – Возмутился Сильвестр. – На государеву казну рот раззявил?!

– Погоди, отче, – одёрнул духовника Иван. – Выслушать надо сперва. Сам учил. Для чего тебе?

– Для того, государь, что город прирастать постройками, крепостями и людьми ратными должен. А зачем тогда деньгу гонять туда-сюда? Сначала отсюда в казну, потом из казны сюда? Резонно ли?

– Деньга счёта требует, – снова вставил духовник.

– Охолонь, – сказал Иван Сильвестру. – Он дело говорит. О том и с Алексеем Фёдоровичем проговаривали. Только сможешь ли правильно обсчитать и поделить?

– Смогу, государь!

Санька по прошлой жизни знал, что мямлить на такой вопрос нельзя, но и слишком торопиться, тоже нельзя. Потому он сказал «Смогу!» уверенно и спокойно.

– Извини, государь, но не верю никому. Сам считать буду! А ты знаешь, как я считаю.

– Знаю, – усмехнулся Иван. – Я и сам освоил твоё «умножение». А вот с делением никак не слажу. Но и умножать пяди да вершки никак не получается.

– То наука зело каверзная, – усмехнулся Сильвестр. – Не всяк радеющий освоит.

– Ломать всё надо, да рано. И у немцев пока раскардаш в головах, – сказал Адашев, помня прошлогодние беседы с Санькой. – Вот пусть он пока здесь свой счёт и вводит. Сделал, что хотел? Меры свои?

– Сделал, Алексей Фёдорович. И весы и метры, чтобы холсты мерять. Весь товар перемеривать и перевешивать станем. Не захотят купцы ганзейские да шведские по нашим правилам торговать, пусть назад везут. Главное, Новгородских купцов сюда перенаправить. Запретить им в Выборг ходить. Тем паче, что шведы войну затевают и тогда задержат купцов и гостей наших надолго.

– Войну? – Удивился царь. – Шведы? Против нас? Откуда узнал?

Санька посмотрел на Сильвестра.

– Сорока на хвосте принесла.

– Знамо, какая сорока, – буркнул царёв духовник. – Всё мнишь бесовские видения?

– Токма через молитву и обращения к Христу, отче, приходят ко мне видения.

– Часто ли молишься? – Подобрел Сильвестр.

– Часто, отче. Просыпаюсь – молюсь, работаю – молюсь, сплю – молюсь.

Сильвестр опешил.

– Как такое может быть?

– Может, отче. Сам диву даюсь.

Санька не шутил и не врал. У него и вправду как-то получалось додумывать во сне то, что не додумал в бдении. И если он перед сном молился, что бывало не так часто, как он сказал Сильвестру, то и дальше во сне он общался с кем-то потусторонним. Христос ли это был, или какие другие боги, Санька так и не понял. Но точно не бесы, ибо сказано, что по делам узнаешь их, а добро и зло Санька научился распознавать ещё в той жизни.

– Ладно вам, – прервал их государь. – Потом поговоришь с ним о делах церковных. Санька, кстати, такой же не стяжатель, как и ты Сильвестр. Писал он мне записку о монастырях. Не отдавал я её тебе, отче, покуда. У Алексея Фёдоровича возьмёшь. Вам есть, что обсудить совместно. А ты скажи ка лучше Александр Мокшевич, что за девки в шишаках, да зеркалах нас встречали? Не уж-то не кривда сказ про твоих воительниц, что до Москвы дошёл?

– Не кривда, государь.

– Но про них и другая молва до нас дошла. Да Алексей Фёдорович?

Адашев кивнул. По лицу Ивана поползла скабрезная улыбка, а глаза его сально заблестели.

– Что живёшь ты с ними со всеми, как Султан Османский, и что склонны девицы оные и к ромейским утехам.

– Было дело, государь. Каюсь. Ханские пленницы они. Выкупил у купцов персидских ещё в Москве. Да оказалось, что научены блюду гаремному. Тот блуд похлеще ромейских танцев оказался. Не устоял, каюсь.

– Оттого от тебя и жёнка сбежала? – Рассмеялся царь.

– Нет, государь. То другая история.

Иван Васильевич насупился, но не надолго. Хмельный мёд уже ударил ему в голову.

– Ну, то твоё дело. Сам со своей жёнкой разбирайся, а мне хочется на ромейские танцы посмотреть. Вон Адашев сказывал, что персиянки зело борзо танцуют. Да, Фёдорович?

Адашев покраснел.

– А я вот ни разу не видел. Можешь?

– Могу, государь, – деланно вздохнул Ракшай.

Баня, в которой они сидели, больше напоминала дворец и занимала почти всю подклеть, то есть всю нижнюю часть трёхэтажного здания, стоявшего на огороженной высоким забором территории верфи. На втором этаже находился зал приёмов, как назвал его Санька, а на третьем – опочивальни. Кладовые и кухня находилась в соседнем двухэтажном здании, соединённым с «баней» переходами.

Как не странно, Сильвестр о блудном грехе промолчал. Видимо хотел поймать Саньку на содомии. Однако, что такое содомия, Александр Викторович знал и кикиморкам своим строго настрою опускаться до оной заказал ещё в Твери. Но они и сами удивились, что такое получение плотского удовольствия возможно. А Санька даже пожалел, что заговорил с ними на эту тему.

Санька не мог знать, что царские банные посиделки закончатся так банально, но как опытный организатор всевозможных охот, где-то в подкорке имел ввиду и такое развитие событий. Поэтому он, выйдя из бани, шепнул охранницам, стоящим на входе несколько слов, а сам вернулся в тепло.

– Скоро будут, – сказал Санька. – Кто в парную?

Его поддержал только Адашев.

Глава 6.

У Саньки это уже был третий заход в парилку и он лупцевал себя дубовыми вениками неистово. Адашев знал способности Ракшая, потому ему не мешал и сидел на нижней ступеньке прячась от обжигающего пара.

– Как ты можешь это терпеть? – Проговорил Алексей Фёдорович, прикрывая лицо от обжигающего воздуха, передвигаемого взмахами веников.

Санька же только кряхтел.

– Ты специально сюда сбежал? – Спросил боярин.

– Псарь не должен смотреть, как блудит царь, – ответил выдуманной прибауткой Александр. – У меня тут запасной секретный выход имеется. Чтобы никто дверь банную не припёр и трубу не закрыл, чтобы угорели мы. Сейчас тоже может пригодиться. Не высидим мы так долго с тобой. Знаю я своих девиц. Весьма искусны они в плотских утех.

Адашев покряхтел немного и спросил:

– Где дверь, говоришь?

– Да пойдём уже. Там и обмоемся.

Он дёрнул на себя крюк с мочалками и показал на распахнувшуюся дверь.

– Проходи, Алексей Фёдорович.

Это была обычная душевая, где они пошкрябали друг друга мочалками, обмылись и прошли в другую комнату – раздевалку.

– Занятно тут у тебя, – удивился боярин. – Много труда вложил. А всего-то в баню. И свет у тебя необычный. Что за светильники?

На стенах во «дворце» висели масляные лампы, закрытые квадратным стеклянным колпаком. Зелёные матовые стёкла, связанные в кубы свинцовыми рёбрами не очень хорошо пропускали свет, но Санька радовался и этому. Лучины и свечи в этом мире его просто утомили и он, отдав шведам целых двадцать рублей за сто стёкол примерно десять на десять сантиметров, радовался этому лучу света в тёмном царстве почти по-детски.

– Масляные. Конопляное масло.

Адашев обвёл помещение внимательным взглядом. Потом встал и выпянул за другую дверь, за которой была задняя часть дворца и стояли ещё две девицы-воительницы.

– Ох ты, господи, – перекрестился Адашев. – везде они у тебя стоят.

– Берегут.

– Надёжные?

Санька пожал плечами.

– Я вот, что тебе хотел сказать, Ракшай.

Он поёжился и Александр достал из платяного шкафа две большие махровые простыни. Одну он отдал Адашеву, в другую завернулся сам.

– Убить меня пытались, – сказал окольный. – Три раза за этот год. При взятии Казани стреляли из пищали и лука, когда Азов брали стрела попала в шею. И в Москве перед нашим отъездом стрельнули, да, похоже, что потравили зельем стрелу. Неможется мне всю дорогу. И всё хуже, и хуже деется. Сейчас сию и голова кругом идёт.

– Может от пара?

– Не-е-е... И до бани было. Травил сегодня весь день. И сердце трепыхается, аки голубь в руках. Да! Государю о том не сказывал. И ты молчи, ежели что. Что тревожить понапрасну? Может, посмотришь меня? Не растерял свой дар?

Ракшай понял, о чём говорит Адашев, но боялся даже попытаться. Он много раз пробовал незаметно от травмированных людей, попытаться восстановить повреждения, но у него ни разу не получилось.

– Похоже, что растерял, Алексей Фёдорович... Не получается у меня что-то последнее время. Как разбойники напали на наст под Великим Новгородом, так такая злость меня обуяла, что до сих пор не проходит. А по злобе та сила не приходит ко мне. Не раз пробовал. Может не сейчас, а как спать ложиться будешь?

– Боюсь не доживу. Худо мне, Ракшай. Ох, как худо.

Адашев вдруг наклонился и упал бы на деревянный пол, застеленный дерюжными половиками, но Александр подхватил его и аккуратно положил на скамью.

– Марга! – Крикнул он.

Это было кодовое слово, означавшее тревогу. Кикиморкам не нужны уши, чтобы слышать и дверь на улицу тут же отворилась.

– Возьмите его и срочно наверх, в мою опочивальню.

Две стражницы подхватили Адашева и, открыв ещё одну тайную дверь с выходом на лестницу, понесли боярина наверх. Сам он вернулся в парилку и, прислушавшись к звукам из банной трапезной, оных не услышал, а потому тихо отворил дверь.

В комнате ни царя, ни Сильвестра не было, зато из соседних двух комнат отдыха слышались смех и весёлые возгласы.

– «Ну и слава богу», – подумал Санька и выскочил в предбанник, и там по лестнице вбежал на второй этаж, где находилась его спальня.

Что делать он не знал. Если потеря сознания произошла от действия яда, то это вообще не по Санькиному профилю. Он никогда не лечил от отравления и не знал, как лечить, даже если бы у него и работал его дар исцеления. А дар не работал.

– Он умирает, – сказала старшая караула, уже прибежавшая на сигнал тревоги.

Кикимора знала, что говорила. Они точно чувствуют приближающуюся смерть, потому, что должны сопроводить душу к входу в Аид.

– Что можно сделать? – Спросил Ракшай.

– Наполнение силой света тут не поможет, – сказала старшая. – Тут помогли бы вампиры. Они высасывают всё. Могли бы и яд высосать, но с ними связываться вам людям, себе дороже. Всю оставшуюся жизнь кровь просить будут. Да и нет их тут поблизости. Хотя... Если так позовёшь, как нас, то может и придут. Сильный у тебя зов. Но, не советую. Они с тебя такую цену возьмут!

Санька крутил в голове фразу призыва и мысли о грядущей расплате. Что попросят вампиры, он не знал, но предположить можно. Скорее всего чью-то жизнь.

– Чёрт! – Ругнулся он.

Тяжело выбирать кому умирать. Но ведь он даже не знает, что попросят вампиры? А время уходит.

– Он умирает, – повторила старшая.

– Вампир, встань передо мной, как лист перед травой!

Воздух в спальне сгустился и с тихим хлопком в центре комнаты появился вампир. Это было сероватое существо маленького роста, стоящее на задних ногах, с кожистыми крыльями, красными глазами и зубами выступающими вперёд из очень узких губ. Ушей у существа почти не было.

– Кто звал меня? – Спросило оно, так как первичных половых признаков у существа не наблюдалось.

– Я звал, Князь света, – сказал Александр.

Почему он так назвал себя, он бы сейчас не сказал. Само вырвалось. Как-то ведь надо было представляться.

– И что тебе от меня надо, Князь Света? – Усмехнулась сущность.

– Мне нужно, чтобы ты отпил немного крови у этого человека и одновременно высосал весь яд. Говорят, вы так можете.

– То, что касается крови, мы можем всё. Мы даже можем её заморозить. Хочешь я заморозу тебе кровь, Князь Света?

– Сейчас дело не во мне. Сможешь очистить его кровь?

– Это будет стоить дорого.

– Сколько? Что тебе надо?

Санька так и стоял обмотанный простынёй, словно патриций. Он был напряжён и от того прям в спине. А ещё ему был неприятен этот кожаный мешок для крови.

– Ты действительно хочешь узнать цену? Не пожалеешь?

– С чего вдруг? – Удивился Санька. – У нас ещё нет контракта.

– Когда я назову цену, ты уже будешь мне должен одну жизнь.

– Хрена себе у тебя условия! – Возмутился Санька.

– Я ещё делаю тебе скидку на незнание, так как мог бы уже сейчас требовать от тебя одну жизнь, потому что это ты вызвал меня. Но я не стану этого делать. И так... Ты готов узнать цену контракта?

– Готов, но только ту жизнь, которую я выберу сам!

– Договорились, – прошипела тварь. – Если я заберу у него яд, ты будешь мне должен три человеческие жизни.

– Тогда, когда я сам выберу их!

– Договорились. Мы бессмертны и можем ждать. Но с одним условием.

– Каким?

– При этой твоей жизни. И если ты так и не отдашь их мне, а вдруг надумаешь умереть, то я заберу кровь твоих самых близких людей. Договорились?

– Да! Действуй уже!

Крылатое существо просеменило к кровати на которой лежал Адашев и склонилось над ним. Вампир не прикасался к нему, но лицо царского советника вдруг резко побелело.

– Э-э! – Вскрикнул Санька. – Я сказал, немного крови!

– Не нужна мне его кровь, – проговорила тварь. – Сейчас он очнётся. Я уйду, но за тобой должок!

Воздух схлопнулся в том месте, где только что находилась нечисть. Адашев открыл глаза.

– Что со мной? – Спросил он, а голос за спиной Ракшья произнёс:

– Что здесь происходит?

В дверном проёме, одетый только в длинную нательную рубаху, стоял царь.

– Алексей Фёдорович занемог. Перегрелся небось, – проговорил Санька, думая, что успел увидеть самодержец.

– А что тут за бес с крыльями только что был? Рядом с кроватью...

Ну вот, подумал Санька, началось.

– Какой бес? – Спросил он. – Не было никакого беса.

– Был! – Царь настаивал. – Я видел. Ты видел? – спросил он, стоящего прямо за ним Сильвестра.

– Нет. Беса я не видел, – сказал осторожно духовник, но глаза его были испуганно открыты.

– «Видел!», – мысленно вздохнул Александр.

– Да как же?! – Возмутился государь. – Гольй такой... С крыльями и хвостом.

– Не было беса, государь, – проговорил Адашев. – Примнилось тебе.

Иван шагая чуть пошатываясь, вошёл с опаской в комнату.

– Но я же видел, – сказал он неуверенно. – Был бес... Потом исчез и ты открыл глаза. Он ещё говорил что-то.

– Мёдок у Александра Мокшевича крепок, – с заискиванием проговорил Сильвестр.

Иван потряс головой и подошёл к лежащему Адашеву.

– И ты не видела беса? – Спросил царь начальницу караула.

– Не видела! – Подтвердила «девица».

– Ступай уже, – тихо сказал Санька.

Они остались вчетвером. Чтобы как-то снять возникшее вдруг напряжение Санька сказал:

– В парной ему поплохело, вышли в трапезную, вас нет. Думали ушли. Поднялись сюда, он прилёг на лежанку.

– А девка?

– Стражу попросил помочь поднять Фёдоровича сюда.

– Совсем не помню, как шёл, – вставил Адашев.

– И всё-таки, бес был! – Упрямо сказал царь притопнув ногой. – Не злите меня! Не такой уж я упитый мёдом. С меня девки весь хмель... вые... выбили.

Он рассмеялся.

– Ох и рукоблудницы они у тебя, Санька! Искусницы!

– Никшни, государь, – одёрнул его Сильвестр.

– Да ну тебя! – Отмахнулся от духовника Иван. – Надо было тебе не в парную идти, Фёдорович, а с девками остаться. Мне пришлось с тремя заниматься. Или скорее им со мной...

Он снова засмеялся.

– А ты, Сильвестр, с одной-то хоть управился?

– Я то управился, а вот ты, государь сегодня каяться будешь да поклоны бить. Блудный грех замаливать.

– Чего это? – Удивился Иван. – Тогда вместе поклоны бить будем. Вместе каяться.

– Мне каяться не в чем. Я супружеством не обременён. Иных обетов не давал. А блудный грех на девке остался. А вот ты, государь...

Царь замахал на него руками.

– Полно тебе! И так голова кругом. Не усугубляй.

– Вы в путешествии и в ратном походе... – Начал Санька. – И то не блуд, ежели умысла измены нет. Просто силу мужскую выпростали. Ежели не сбрасывать её, она закисает и уд может отвалиться.

– Во-от... – Показал Иван на Саньку. – Здоровые слова. Береги свой уд смолоду! Ты как, Фёдорыч? Отошёл?

– Отошёл, вроде.

– Ну так пошли продолжим?

– Я бы сейчас твоего сбитня выпил, – тоскливо глядя на Саньку, сказал Адашев.

– Ты не кручинься, боярин. Прошло у тебя всё, – тихо сказал ему Александр. – Нет в тебе той заразы.

Адашев посмотрел на перемотанную тряпицей руку, пораненную отравленной стрелой.

– А раной я не занимался, – отрицательно покачал головой Санька.

– Что это вы шепчитесь? – Спросил, возмущившись, царь. – Пошли уже! Холодно тут у тебя, Александр.

В Санькиной спальне всегда было прохладно, и даже холодно. Только в лютые морозы он её протапливал. И то только чтобы совсем не выстудить. С детства он привык к холоду и даже босым бегал по снегу. Что-то у него в организме было нарушено. Или перенастроено. Читал он раньше про такие случаи, когда у людей нормальной была повышенная температура. И им в одежде было сильно жарко. Но у Саньки организм к одежде адаптировался быстро, а вот к неожиданному холоду привыкал через некоторое время.

Они спустились вниз и продолжили застолье. Париться они прекратили. Оделись. Периодически выходили на свежий воздух, пропахший снегом и дымом, поднимавшемся из печных

труб. Не все селяне восприняли его отопление по белому, но все поставили трубы, оценив их хорошую тягу. Теперь дымовые трубы стояли даже в домах с обычными очагами.

Через некоторое время, Адашев, сославшись на нездоровье, отпросился отойти на покой, а вслед за ним исчез и Сильвестр, сославшись на якобы отобравшую силы девку. Однако, обратив внимание на его хитрый взгляд Санька подумал, а не сговорился ли тот с той же девкой на продолжение блудного игрища, но уже в отведённой ему ко сну «келье».

Иван Васильевич уже тоже начал уставать и отпустил Адашева, являвшегося царёвым постельничим, словами: «Ступай-ступай, Фёдорович! Меня Санька разденет».

- Сказку расскажешь мне? – Спросил Иван, когда они остались одни.
- Расскажу, государь.
- Интересную?
- И поучительную.
- Как там у тебя... Сказка ложь, да в ней намёк – добрым молодцам урок?
- Как-то так...

Александрю сегодня точно было не до сказок. Из головы не уходила его сделка с вампиром. Он её не особо страшился. Загубить чужую жизнь за Адашева – его единственного при царе сторонника? Да легко. Смотря какую жизнь, правда. Но он сразу придумал для вампира, как он думал, каверзу.

Саньку беспокоили покушения на Адашева.

– Ты знаешь, что на Алексея Фёдоровича жизнь покушаются. За этот год, говорит, четырежды.

- Знаю, – насупился Иван. – Ищут. Думаю, что найдут.
- Коли найдут, мне отдай после дознания. Я его сам кончу.

Царь посмотрел на Ракшю.

– Оно тебе надо? Руки кровью красить? На то палачи есть.

– Сам хочу, государь. То враги государства Российского, а значит и твои. Этих надо с особым тщанием. На торговой площади в базарный день.

- Раз мои враги, то, значит, мне надо с ними расправляться?
- У тебя есть слуги – руки твои. Не след тебе себя кровью марать. Отдашь?

Царь дёрнул плечами и скривился.

– Отдам. Пошли уже спать. Что-то и меня сморило.

Они поднялись на третий этаж дворца и вошли в небольшую тёплую спальню.

– Я вот, что хотел тебе сказать, Ракшай, – сказал Иван, когда устроился на перине. – Давно как-то я сказал боярам, что ты брат мне по батюшке. Помнишь, пошутил я, что он прижил тебя с Марфой Захарьиной. Так вот, пошутить-то я пошутил, а молва людская разнесла, что будто ты его наследник, а не я.

Санька замер, раскрыв рот, потом закашлялся, поперхнувшись скатившейся не туда слюной.

– Час от часу не легче, – кое-как откашлявшись, с трудом проговорил он. – И что сейчас? Иван усмехнулся.

– Удумали мы с Адашевым каверзу учинить. Мы официально признаем тебя наследником престола. Вторым после моего сына... и меня, естественно.

– Для чего? – Удивился Санька.

– Для того, чтобы узнать, кто против меня и моего рода умышляет зло. О том мы уже объявили... по-тихому. Письма батюшкины «нашли». Их и искать-то не надо было. И так имелись. Дитё и вправду было, да сгнуло не знамо куда. Потому и кривда правдой смотрится.

Иван замолчал и глубоко вздохнул.

– Да и разумен ты, в отличие от моих бояр и дьяков. Дар опять же твой в грядущее заглядывать... Вот я и подумал, что ежели что случится со мной или сыном моим, то лучшего правителя для Руси не сыскать. А Захарьин-Юрьев род тебе в помощь будет.

– Не очумел ли ты, государь?! – Вскрикнул с напольной лежанки Александр. – Ты меня спросил?!

– Рцы, Санька, – устало и тихо приказал царь. – Засыпаю я.

Иван уснул, а Санька ещё долго ворочался, перебирая в мыслях новость. Судьбы родичей правителей всегда были печальны. Редко кто из них мог даже семьёй обзавестись или детей родить. А уж к покушениям и отравлениям во дворцах все просто привыкли.

– «Вот ведь удружил государь!», – думал Санька. – «Сейчас в Усть-Лугу поедут гонцы... Да как бы не передумал потом царь-батюшка в игры эти играть. Чтобы больших людей губить надо зачинщика найти, а я вот он-чем не зачинщик».

Третьих петухов Александр встретил с «дурной» головой. Разбудил его Адашев, который пришёл помогать одеться царю.

– Надо бы похмелиться, – хмуро буркнул государь.

Спустились в банную подклеть и увидели в трапезной Сильвестра, всклоченного, и похоже, только сейчас проснувшегося.

– Ты здесь, что ли почивал, отец родной? – Спросил его Иван Васильевич.

– Так тут хоромы, почитай, царские... И тепло, и снедь с питьём на столе осталась.

– Снедь же, вроде, девки должны были убрать, – удивился Александр. – Не приходили, что ли?

Сильвестр потупил глаза.

– Приходили. Убирали. И снова принесли. Славные у тебя девки.

Государь раскрыл от изумления рот, а потом рассмеялся.

– Ну, ты, отец родной, и ухарь! – Вскричал он. – Ай да Сильвестр! Отец – молодец!

– Грешен, грешен... Сёдни со вторых петухов молюсь и каюсь.

Дверь одной из комнат «отдыха» отворилась, и оттуда вышла абсолютно голая «амазонка». Она спокойно прошла мимо удивлённых мужчин в предбанник и закрыла за собой дверь.

– Видим мы, как ты молишься! – Засмеялся Иван. – На коленях оба стояли?

– Он из неё беса вчерашнего изгонял, – вставил Санька, вспомнив один из рассказов Боккаччо.

Государь смеялся раскачиваясь телом, потом ойкнул, схватился за голову.

– Ну вас, уморите, налейте лучше мёду кислого... холодного...

Сильвестр, дабы скрыть смущение, кинулся исполнять желание Ивана первым.

Медовуху и другие напитки из мёда Александр любил и готовил по своему рецепту, заквашивая, остужая и сцеживая, дображивая, и укупоривая в бочонки. Она получалась у него хмельной и острой с небольшой кислинкой, как шампанское, потому, что он добавлял в неё не до конца выбродивший сок крыжовника.

«Лечились» не долго и ещё потемну, солнце уже всходило поздно, принялись за обход города. Водяное колесо уже не крутилось, но принцип его работы царю объяснили. Обошли все постройки на острове быстро и Александру вся проделанная им работа показалась мизерной. Тем более, что царь Иван больше молчал и свете факелов было видно, как он кривился. Спрашивал, в основном, Адашев, которому построенное явно нравилось, особенно портовые погрузочно-разгрузочные «машины», с приводным колесом, которое крутилось ходившим в нём, как белка, человеком. Такой белкой на время стал сам Александр.

На берега решили проехать когда рассветёт и вскорости вернулись в баню. Сильвестр сославшись на потребность замолить «грехи тяжкие», ушёл в свою опочивальню. В трапезной остались втроём.

Царь, снова изрядно пригубив мёда, молча ушёл в «свою» комнату отдыха.

Санька сидел упав духом. Адашев глядел на него улыбаясь.

– Не понравилось царю моё детище, – наконец со вздохом сказал Санька вливая в себя очередной ковш кваса.

Адашев хмыкнул.

– Ты, Александр, не посыпай голову пеплом. Государь много повидал различных городков и крепостиц, и никогда не выражается, покуда всё не обсмотрит и не обмерит. Прежде чем сказать худое или доброе, он три дня смотреть и спрашивать будет. Вот сейчас поспит и на чистую голову тебе спрос учинит. А я тебе скажу, что, то, что я увидел – это хорошая работа. Почитай за лето ты торговую заставу поставил, и крепость вокруг острова возвёл не хуже «орешка». Стены, конечно пониже, но то дело наживное, и пушек поменьше, но и с тем поможем. Здесь ли будет город или выше-ниже по реке, не важно. Главное, ты дорогу устроил прямиком к нему.

– «То не я», – чуть не вырвалось у Александра, но он промолчал. – «А вот город я построил! Я! И хороший город!»

От слов Адашева он успокоился. Огонь гордыни его чуть пригас. Но внутри булькала обида на царя. Потом Александр «взял себя в руки» и придушил гордыню совсем. За это лето он сильно изменился. Страсти в нём кипели. Может быть от того, что его организм проходил положенные ему стадии умственного развития и взросления. Ведь, несмотря на его развитое по мужски тело, он по внутренней сути был восьмилетним ребёнком с его страстями и нервами. Только его «тот» ум и физическое развитие делало Ракша взрослым. А поначалу, из-за невысокого роста, все принимали его за малолетку.

– Слушай, Алексей Фёдорович, – вспомнил Александр. – Что это вы с Иваном Васильевичем придумали с моим наследием на престол? А брат его двоюродный Владимир Старицкий, внук царя Василия как же? Ведь он наследник престола после Дмитрия Ивановича. Как его здоровье, кстати. Охраняете его, как я просил?

– Слава богу, здоров наследник престола... А по твоему вопросу скажу, что хоть и приближен Владимир Андреевич к царю и замещает его и сейчас в Москве, но не люб он Ивану Васильевичу. Не показывает он сего, но в мыслях гневен на друзей Старицких за мать свою.

– Так дело то не в наследниках! – Воскликнул Ракшай. – Правильно ты говоришь, что дело в «друзьях» наследников. Все старые роды стремятся к власти. Да и молодые не хотят оставаться не у дел. Вон и в царёвой тысяче брожения идут. Я почему и сбежал из Москвы, что отплёвываться и отбрехиваться устал. Дел невпроворот, Россию по кускам рвут, а они земли делят. Идите и берите земли Крымские да украинские. Так нет, млять, тут друг у друга вырывают.

– Правильно и ты говоришь. И не только говоришь, но и делаешь. Смотрит на Земли Ливонские царь-государь. Прирасти ими хочет.

– О землях потом. Мне то что с правом на наследование престола делать?

– Как это, что делать? Жить, как и раньше. Это же на всякий случай...

– Хрена себе, на всякий случай. То тебя убивают, а сейчас меня убивать станут. Друзья Старицких сильно расстроятся, что Владимира подвинули. Да и он, хоть вида не подаст, а злобу затаит.

– Не затаит. Смирный он, – возразил Адашев. – А с его друзьями да мамашей его, княгиней Хованской, справимся кое как... Всему придёт время.

Они помолчали. Санька время от времени недовольно дёргал головой.

– Ты скажи, как с моей хворью справился? – Наконец не выдержал боярин.

Александр махнул рукой.

– Не бери в голову. То моё дело.

Адашев нахмурился.

– Слышал я твой торг. С кем это ты? С бесом, что государь узрел?

– Почти, – буркнул Санька. – Не важно с кем! Говорю, не бери в голову. Не велика плата за твою жизнь. Вон мне государь обещал покусителей твоих выловить и мне отдать. А я ему отдам.

– Худо то, – тихо прошептал Адашев. – Одно дело самому врага убить, а другое врагу человеческому отдать...

– Не трави душу, Фёдорыч. Самому тошно, но уже ничего не поделать.

Санька вздохнул.

– А-а-а! – Мотнул он головой. – Будь, что будет! Главное – день простоять, да ночь продержаться!

Глава 7.

– Не понимаю, почему ты доверил охрану девкам? – Сказал государь, осматривая помещение для хранения городской казны и таможенных сборов.

Александр пожал плечами. Не говорить же царю, что по его опыту прошлой жизни, женщины из вневедомственной охраны применяли оружие на поражение гораздо чаще мужчин. И подкупить их было намного труднее. Единичные случаи нарушений служебных обязанностей имели место, но почти всегда женщинами влюблёнными в преступников.

В данном случае, когда деньги охраняли кикиморки, и этот фактор сходил на нет. Влюбляться кикиморки не умели. В себя влюбляли, а сами нет. Поэтому с ними было вдвое надёжнее. С кикиморками у Саньки случались заморочки, но в основном на почве того, что он лично не поддавался их любовным чарам, и они иногда вредничали, пытаясь сломить его «обликоморале».

Достроив путик и закрепив осушенные участки, его, Санькиной силой, кикиморки намерились смыться, разбежавшись по болотам, однако Ракшай упрямил их остаться с ним, гарантируя сладкое житьё бытё. Не все кикиморки согласились подписать новый контракт, но штук тридцать с ним осталось. Причем, как впоследствии понял Санька, перед ним тогда на недостроенном путике явились только те, кто попрятался именно в местных болотах. Но много его воительниц вернулось в болота Твери и Подмосковья сразу, как только Аид схитил Гарпию.

– Надёжнее они и послушнее. С мужиками всегда надо доказывать своё превосходство. То и дело тебя проверяют на прочность, и телесную, и духовную. Слабости они не прощают. А бабы... Те наоборот. С ними можно не рвать пупок.

– А по силе? Как они? Мужики ведь сильнее! – Спросил Сильвестр.

– Сильнее, но не ловчее. Эти и были выученные воинской мудрости, да я их выдрессировал. Почитай три месяца гонял в хвост и в гриву.

– В хвост и в гриву, это ты молодец, – захихикал Сильвестр. – Хорошо обучил.

– Да ну тебя, старче! У тебя всё одно на уме!

– Так правду говорю! Давно такого я себе не позволял! И с другими бабами вряд ли получится! А с этими кудесницами... Я до сих пор весь горю. И сил, словно прибавилось, а не убьё.

– Хватит о бабах! – Озлился царь. – Ты, Сильвестр, словно и впрямь ума лишился. Не мешай! Деньги счёт требуют!

Духовник обиделся и вышел из хранилища, а Александр мысленно улыбнулся. Это он намекнул кикиморкам, чтобы они проявили себя особо с царским духовником. Заласкали б его до умопомрачения, поднимая его естество и держа член в постоянном тонусе. То, что они это могут, Александр убедился на себе. Кикиморки долго пытались держать в тонусе Санькин уд, рассчитывая, на то, что поработят его, и заставят себе прислуживать, но Александр не поддавался искусьельницам. Хотя, откровения ради, медитировал он в попытках ослабить напряжение в чреслах долго.

– И так, получается, что в таможенных кладовых у тебя уже пятьсот двадцать восемь рублей? Откель?

– Вот, государь проходные товарные книги. Вот цена товара заявленная, вот с неё пошлина, вот взвеси, вот пересчёт, вот недоимка. У Ивангородских и Ямских купцов с немцами сговор. Немцы занижают цену на ввозимый товар и количество, чтобы получить пошлину меньше, а потом продают нашим купцам дороже. Мы подставили своих купцов, а те донесли о воровстве. Но денег тех в казне ещё нет. Не стали мы обирать купцов немецких. Токма расписки Ганзы лежат. Показать? Всё по установленным тобой, государь, правилам.

Царь вздохнул.

– Жаль, что денег нет. А тех, что я послал, не осталось?

– Очень немного. За камень, известь много заплатить пришлось. Но ничего... Скоро от Мокши цемент придёт. Станем свой камень делать. Песка и щебня здесь много. Жито пришлось у немцев закупать, другие припасы у местных селян. Но уже и того нет. А тут ты тысячу человек с собой привёз. Ещё пару дней застоля и в зиму мы пустые заходим. А у меня на службе почитай двести душ.

На самом деле своих людей у Саньки на службе было всего шестьдесят три человека, – лесорубы и ратники, но были и селяне, которым тоже надо было платить мукой, но тех можно было отправить по домам. Нелюдь могла и на подножном корме продержаться. Кикиморы, те вообще только вид делали, что едят, а оборотни сами охотились. А за то, что им было разрешено в местных лесах «озоровать», делились добычей с городом. Но ведь царь об этом не знал, а знать о проблемах должен.

– Какого ляда они все за мной увязались, то одному богу известно, – недовольно произнёс Иван. – Берёшь с собой десяток дьяков, так они за собой и детей, и сватов, и люд дворовой тянут. А без войска нельзя.

Он вздохнул.

– Жаль, что у тебя серебра нет. Очень надо.

– Ты, государь, странно рассуждаешь. Теля только народилось, а ты уже доить его хочешь! Так не бывает! Нам до тепла продержаться надо. Первые торги на апрель месяц наметили с Ганзой. Ежели новгородских купцов отзовёшь из Выборга, то и свеи сюда придут. Гостевой двор ты видел. Гостей есть, где привечать. Товары нужны.

– Товары к весне будут. Но за твоими ткачами другие не угонятся. По старинке узкое полотно ткут.

– Да пусть хоть узкое, хоть широкое... На лён спрос есть. Рухляди мягкой много пусть не везут. Не нужна она ни свеям, ни немцам. А вот шёлк у тебя весь заберу.

– Да... Доброе шёлковое полотно твои мастерицы ткут. Жаль, не цветное!

– По поводу шёлка и иных товаров. Закажи боярам и дьякам у Мокши в долг брать. И за то, что взяли, пусть рассчитываются. На тысячу шестьсот рублей твои дьяки да бояре набрали товаров. Вот, кстати, твои родичи Захарьины-Юрьевы в первых должниках.

Стоявший рядом Григорий Юрьевич, брат отца жены царя, до того не проронивший ни слова, вдруг взъерепенился и схватился за рукоять меча:

– Да как ты, бастард, смеешь, попрекать меня, – родовитого боярина в присутствии государя?!

Никита Романович Захарьин, брат Анастасии Романовны, тоже подался вперёд с намерением одним взмахом клинка решить проблему долгов.

Иван Васильевич обвёл всех взглядом и молча вышел из помещения казнохранилища. Александр выходил последним, закрывая дверь.

– погоди, ублюдок, доберёмся до тебя, – проговорил, проходя мимо, Никита Романович. – Мы тебе ещё и Василия Юрьевича припомним.

Санька чуть выставил вперёд ногу и Никита, зацепившись одной ногой и запутавшись другой в длинных полах кафтана, упал. Он долго не мог подняться, так как одновременно пытался вынуть прямой короткий меч. Ракшай наступил на ножны и переступил барахтающееся на полу тело.

– Ну всё! Тебе не жить, пёс.

Санька обернулся и кованым носком ударил боярина в висок. Тот обмяк.

– Забирай первую кровь, – тихо сказал он.

– Что там у вас? – Крикнул государь.

– Боярин споткнулся и упал, – сказал Ракшай. – Пока я запирал кладовую.

И царь, и Адашев, и Захарьин быстро спустились вниз. В свете одинокого факела тело царского шурина лежало тряпкой.

– Ты убил его! – Крикнул Григорий Захарьин.

– Чем это? – Спросил Ракшай. – У меня ни кинжала, ни кистеня. Он, наверное, виском о свой меч ударился. Вон и кровь на рукояти.

В свете факелов действительно можно было разглядеть запачканное чем-то тёмным пятки меча.

– Вытаскивайте его на свет! – Приказал Иван. – Этого нам ещё не хватало!

Тело боярина вытащили в подклеть таможенной палаты и осмотрели. Осмотрели по указке царя и Александра, у которого никакого оружия, естественно, не нашли. Носок сапога он сразу обтёр о кафтан трупа, а оставлять отпечатки пальцев на ножнах не боялся. Не то время.

– Вот беда-то какая! – Пробурчал старший Захарьин, зло постреливая глазами на Саньку.

Но кровь на рукояти меча не позволяла ему сомневаться в причине смерти племянника.

– Почему он упал? – Спросил государь.

– Я не видел. Закрывал замок.

– Пусть осмотрят замок! – Встрепенулся Захарьин. – И ключ!

– Пожалуйста, – сказал Санька и достал из-за пазухи небольшой ключ. – А замок там врезной в дверь.

Никита Захарьин лежал раскинув руки. Он был молод, красив и лицом напоминал царицу Анастасию. У Саньки даже заскребло на душе.

– Первая жертва принята? – Спросил он мысленно своего крылатого «кредитора».

– Принята, – подтвердил, ни для кого, кроме Санки, невидимый вампир.

– Первый – пошёл! – Сказал мысленно Ракшай и вздохнул, так как понял, что нарушил самому себе данную клятву, не вмешиваться в ход исторических событий.

Сегодня он убил несостоявшегося прародителя царского дома Романовых, который пока не успел оставить никакого потомства, а должен был родить Фёдора – отца будущего царя Михаила. Но для исправления истории оставался ещё старший сын Романа Захарьина – Данила, царёв дворецкий, уже наплодивший достаточно потомков. Санька вздохнул ещё раз. Он был не против хода истории России, но так как объявился в это время, хотел уменьшить человеческие жертвы в грядущих войнах и создать себе обстановку в которой можно было выжить. А с назначением его наследником престола, его шансы выжить очень сильно сократились. Поэтому в борьбу за чистое небо над головой Санька решил вступить сразу. Без подготовки. А для этого надо было зачищать поляну от пустивших властные корни Захарьиных.

– Чего это он синий такой? – Спросил Сильвестр. – Аки упырь. Ну ка, отойдите все.

Духовник достал из-за пазухи тонкий нож в ножнах, вынул его и ткнул остриём мертвецу в вену на шее. Только капля крови выступила из раны.

– Не могёт быть, – прошептал духовник и перекрестился. – Свят-свят-свят...

Все, и царь в том числе, отпрянули от трупа, а Сильвестр, что-то тихо запричитал, то и дело крестясь.

Александр, знавший причину отсутствия в теле крови, спокойно обвёл глазами окружающих и у всех увидел в глазах ужас. Потом он встретился глазами с Адашевым и тот, наткнувшись на спокойный взгляд Ракшай, вдруг всё понял и закрыл лицо руками. Санька опустил голову, спрятав свой взгляд, и отошёл в сторону, а потом и вовсе вышел на улицу.

Вскоре на улицу вышли и остальные. На всех, как говорится, лиц не было. Захарьин стоял чуть в стороне, едва держась на ногах и раскачиваясь всем телом, потом взревел, и обхватив голову руками, ринулся бежать.

– Не утопился бы, – прошептал Иван. – Ни разу не видел упырей. И как теперь? Всем кровь, что ли пускать? Вот беда-то! А ведь он на свадьбе нашей... И к сыну приставлен был. Надо собираться.

– Забирай и второго, – мысленно сказал Санька и старший Захарьин вдруг запнулся и плашмя упал на сложенную из чурбаков, поставленных вертикально, мостовую. Упал и остался лежать, распластавшись.

– Святые угодники! – Воззвал государь, сильно побледнев лицом. – Что это с ним? Фёдорыч, иди глянь.

– Я пойду, – остановил Адашева Санька.

Он подошёл к боярину, потрогал его за шею, перевернул на спину.

– Тоже синий! – Крикнул он и вернулся к царю. – Зовите Сильвестра! То его епархия!

На Адашева он смотреть боялся.

– Да что же это! – Вскричал Иван и схватился за голову. – Страх-то какой. Неужто и он? Санька пожал плечами и, видя, что идти за священником некому, пошёл сам.

– Там и Григорий Захарьин... Того... Этого... – Сказал он уже выходящему из таможенной избы духовнику.

– В смысле?! – Удивился тот.

– В прямом. Вон он лежит.

– Твою мать! – Выругался Сильвестр. – Что они, все такие? Вот беда-то! Так и Анастасия...

Он зажал ладонью рот.

До Александра вдруг дошло, что он таким образом подрывает весь род Захарьиных, в том числе и род царицы Анастасии, а значит и её детей.

– Мать твою! – Вырвалось у Саньки, а мысленно он заорал: «Бля-я-ять!».

Он закрыл глаза и голова у него закружилась.

– Ты, что, паря?! – Испуганно спросил Сильвестр и Санька открыл глаза.

– Страшно, отче!

– Ништо-ништо... И то бывает. Ивана Васильевича жаль. Очень он Анастасию полюбил. Да и дитяtko своё... Теперь в монастырь обоих сошлёт.

Санька попытался стряхнуть с себя страх, вдруг сжавший его сердце от осознания сделанного, но страх сердце не отпустил.

Сильвестр частыми и короткими шагами заторопился к телу дворецкого, потом подобрал полы кафтана и побежал, хлопая по мостовой каблуками надетых на босу ногу коротких сапог.

– Пойдём отсюда, – сказал государь грустно.

– В баню?

– Пошли в баню. Ты с нами, Фёдорыч?

– Пойду корабли посмотрю, – буркнул Адашев, не глядя на Саньку.

* * *

– Я распорядился сжечь тела, – сказал Сильвестр, войдя в трапезную.

– На божедомке⁴, надеюсь?

– А где ещё?

– Вот шуму-то будет, – проговорил, покачиваясь и пьяно хихикая, государь.

И он и Санька за полтора часа успели основательно набраться меда. Царь с горя, Санька за помин души.

– Грамотку я составил, – сказал Сильвестр. – Шуйский уже подписал, как очевидец. Теперь ты, государь подписывай и Санька пусть...

– Я, пожалуй, пойду, прилягу, – сказал царь, отстраняя рукой пергамент.

– Помочь? – Спросил Александр.

– Сам, – отмахнулся Иван.

Санька и Сильвестр остались вдвоём.

– Алёшка, чей-то больно убивается по упырям. Дочь свою Анну хотел за Никитку отдать. У того-то первая жёнка помёрла... Хе-хе-хе... За упыря... Хе-хе-хе...

Он приложился к большому ковшу минуты на полторы.

– Давненько я не упокоевал мертвяков.

– Да, какие же они мертвяки, когда живыми были? Может не так всё? Упыри наоборот упитые должны быть.

– Это только в быличках5 упыри кровь сосут, – сказал духовник. – Они души людские высасывают.

– Так отчего же они тогда помёрли? – Продолжил Санька глумиться над священником.

– Колдуны это, – уверенно сказал Сильвестр. – Я давно подозревал. Слишком много Захарьиных развелось. Остальные роды мрут: и в младенчестве, и от хворобы и от ратных ран, а эти... Как грибы – поганки. Колдун не умирает, а становится упырём.

– Так что ж они умерли, то? – Усмехнулся Санька.

– Такие упыри, что живут среди людей, прячут душу под камень и пока она там, не могут умереть. Кто-то тот камень поднял. Умерших колдунов надо сжигать. Некоторые колдуны специально просят об этом детей, чтобы упокоиться. Тех кого не сожгли, становятся упырями.

– Во дела! – Удивился Санька. – Он уже и сам стал верить в рассказы попа. Так убедительно он говорил.

– И что теперь будет?! – Спросил он.

– Сошлют всех на кулижки. Слышал, небось?

– И где это?

– Кулижки? Это очень далеко. В болотах и лесах Ладоги. Да не успеет государь. Все они в Литву уйдут. Вся челядь Захарьиных собирает монатки. Кто-то уже отъехал вперёд на Новгород. Да может то и к лучшему... Мороки государю меньше.

Вошёл хмурый Адашев. Ни на кого не глядя, сел за стол, не снимая верхнего кафтана и шапки.

– Чего ты, Алёшка, смурной такой? Испей мёда!

– Пошли, выйдем, – сказал Адашев, не отвечая на слова попа.

– Это ты кому? – Удивился тот.

– Ему.

– Пошли, – вздохнул Санька.

Он накинул короткую меховую куртку с капюшоном, покрытую белым шёлком. Оказалось, что и в мороз, это лучшая ткань. Шёлк на морозе совсем не терял свойства и даже становился прочнее.

Адашев шёл быстро в сторону ворот, выходящих на правый берег Луги. Из-за холма вертикально вверх поднимался густой дым.

– Не пойду я туда, Алексей Фёдорович, – запротивился Александр и остановился.

Адашев развернулся. Лицо его было белым, на перекошенных губах белела засохшая пена.

– Лучше бы я сдох, Ракшай, или кто там ты?! – Почти крикнул он. – Как! Как мне сейчас жить?! Я бы уже сейчас наложил на себя руки, да дочь у меня!

Адашев упал на колени и закрыл лицо ладонями. Он мычал и раскачивался долго. Ракшай подошёл и, сев на колени перед ним, уткнулся в него лицом, положив руки на плечи. Они рыдали вместе.

– Но, что делать было, Фёдорыч, – выл Санька. – Не мог я тебя потерять.

Адашев мычал и раскачивался. Санька подвывал. Проходившие мимо мужики и бабы кланялись и крестились. Наконец Адашев отнял ладони и поднял на парня глаза. Что-то такое почитал в них Адашев, тоску ли, страх ли, но прижал он к себе Саньку и снова зарыдал.

Глава 8.

Царь «прогоревал» ещё двое суток, потом отошёл, а Адашев слёг, зато Пётр Иванович Шуйский, которого Иван включил в свой ближний круг на время болезни советника, ходил гоголем, задирая нос и перед Ракшаем. Он вдруг начал раздавать команды Санькиным людям и советы самому Саньке, но работный люд только кланялся и шел делать своё дело, а Александр советы выслушивал внимательно, даже пытаясь вникнуть в их суть. И грех было не прислушаться к советам первого воеводы в Казанском походе и основателя Свияжска.

Пётр Иванович, видя, что Александр принимает советы и охотно допускает его к своим делам, делясь мыслями о дальнейшем развитии городка, психологический натиск на него ослабил, а как-то, подпив, даже признался:

– Много делал для трона Григорий Юрьевич. Зазря ты ополчился на него. Тяжко нам будет без его родни.

– Не ополчился я, – возразил Александр. – То, что при государе про долги его семейства сказал, так на то право имел. Говорил с ним один на один не раз о том. Ежели б купец я какой был, и то... А я такой же боярин, как и он. А купеческими делами занимаюсь по воле государевой.

– То так, то так... Но ты ведь сродственник Захарьиным... А среди своих за деньги лаяться у нас не принято.

Санька хмыкнул. Он покачивался вроде, как от выпитого и тщательно изображал себя пьяного.

– Они меня родичем не считали. От родичей и спрятала меня бабка у мокшан, чтобы не пытались на престол возвести...

Санька врал напропалую. Если уж назначили его наследником престола, то эту тему надо было выводить на новый уровень. Тем паче, и царь ждал от него определённых контрразведывательных результатов.

– Сейчас, да-а-а... Что с сыночком Анастасии будет? Государь сегодня указ подписал о снятии наследования престола с сына своего Дмитрия. Ты сейчас его прямой наследник, Александр. Что о том думаешь?

– Что думать? Пусть государь думает, а мне крепость в Усть-Луге надо строить. От шведов обороняться.

– То так, то так... А что ты про Глинских думаешь? – Прицепился Шуйский, подливая Саньке браги.

Александр брагу не любил, и его действительно штормило так, что мотало из стороны в сторону, но суть разговора он не терял.

– А что мне о них думать? Худоги они мне ничего не делали. Думаю, с ними тебе дружить надо. Без Захарьиных как один с Глинскими воевать станешь? Не простят тебе они твоих замыслов против них.

– Каких замыслов? – Удивился Шуйский.

– А таких. Кто чернь поднять хотел после свадьбы Ивана Васильевича вовремя пожара?

– Так, то ж Захарьины. Они сами себя оговорили! А сколько ты им серебра отсыпал, чтобы про тебя молчали? А Глинские всё про вас знают!

Санька привстал над столом, оперевшись об него одной рукой, и пьяно погрозил Шуйскому пальцем.

– Всё про вас знают... И государь батюшка знает, ибо я ему сам сказал.

Тут Санька понял, что сболтнул лишнего, и приложил указательный палец к губам.

– Только тс-с-с!

Александра мотануло из стороны в сторону и приложило о стол лицом. И качественно приложило, успел подумать он и уснул.

* * *

– Что ты говорил про войну со шведами? – Спросил Иван.

Он был хмур и целыми днями вздыхал. Они с Санькой шли по верфи, осматривая строящиеся корабли.

– Про шведов я говорил, что попытаются отвоевать у нас Орешек, Усть-Лугу и Ивангород.

– И чего вдруг? Мир у нас с ними.

– Шведы сейчас торгуют втридорога. Везут всякую рухлядь, до которой наши купцы не дотягиваются из-за Ливонии. А в следующем году к нам в Архангельск зайдёт английский корабль, что пойдёт искать северный путь в Китай. И завяжешь ты, государь, с Англией торговлю, а со шведами торговать прекратишь. Уж слишком вкусными покажутся тебе цены английские. Вот шведы и обидятся.

– Точно знаешь про то? – Спросил хмуро царь.

– Точно, государь. Как англичане в Архангельск придут, так и поймёшь, что я прав. Придут с письмом от королевы, но... не к тебе.

– А к кому? – Удивился царь.

– Ни к кому. Они не думают попасть в Россию. Они вообще не знают, куда приплывут.

– Понятно. Что ещё тебе привиделось?

– От англичан много бед будет. Они воры и лгуны. Веры им нет и помощи никакой от них не жди. И ещё другое хотел тебе сказать, государь, – поспешил сказать Александр, видя, что у царя пропал интерес к разговору.

– Говори...

– Хотел сказать тебе, что Захарьины не колдуны и не упыри.

Иван Васильевич удивлённо взглянул на Саньку.

– Говори, – повторил он.

– Ты, государь, прости, что путал тебя. У ложа Адашева ты, и вправду, видел... Но не беса, а упыря. Напал он на Алексея Фёдоровича по дороге сюда, но не осилил, а я увидел его и отогнал. Но не изгнал до конца. Вот он и убил Григория и Никиту. Прости, государь, виноват. Надо было сказать Сильвестру, но он и сам его видел. Все видели.

Царь нахмурился.

– Не пойму я что-то. Ты винишься за что?

– За то, что не отвёл от слуг твоих беду.

– Так, то не твоя забота, а бога, или Сильвестра. Ты не волхв и не колдун. Или колдун?

– Нет, не колдун я, – ответил, «повесив голову» Санька. – Но всё одно виноват.

– В чём? – Снова удивился царь.

– Когда упыря отгонял от советника твоего, неправильные слова сказал, пообещав, ежели он уйдёт, отдать ему других людей в жертву.

К удивлению Александра это его признание на царя особого впечатления не произвело. Он просто стоял и хмурился.

– Ну, и?

– Озлился я на Захарьиных, а упырь тот посчитал, что я на них указываю... Вот и убил...

– Ты в своём уме? – Спросил, наконец, царь.

– В своём, государь. Вот и Адашев на меня злится. Слышал он наш сговор с упырём, а теперь пеняет, что его жизнь сохранил за чужой счёт.

– Так ты нарочно, что ли, с упырём сговорился? – Возмутился царь.

– Да, какой, нарочно!? Не помнил я себя! За Федорыча переживал, вот и брякнул не подумавши. Хуже другое... Упырь сказал, что ежели я умру до исполнения уговора, он заберёт души близких мне, а ближе тебя, у меня нет, государь.

Санька стоял, понуря голову. Государь стоял раскрыв рот.

– Не веришь, государь, спроси у Адашева. Он слышал всё.

Иван Васильевич резко развернулся и рысью побежал в сторону «царского дворца».

* * *

Ну, ты и замутил, Санька! – Радостно выплёскивая квас на каменку вскричал Иван.

Хлебный дух ударил в потолок. Иван Васильевич забрался на верхнюю полку и принялся обрабатывать себя веником. Санька сидел в самом низу, не давая пару ожечь обработанную кнутом спину. Ещё сегодня он получил сорок ударов. Бил его сам государь, то и дело меняя руку.

Иван Васильевич, получив от Адашева подтверждение сказанному Санькой, на удивление не расстроился, а наоборот, возрадовался, что ни жену Анастасию, но сына Дмитрия, никуда ссылать не надо. Да и Захарьины-Юрьевы тоже официально Кулижек избежали.

– Однако, думаю, что разбегутся Захарьины.

– А что тут думать? Всплывут в Литве.

– На охоту пойдём?

– Какая мне охота, государь? Измахратил спину да задницу. Токма на карачках и ходить.

Голым.

– Будет тебе наука наперёд, чтобы думал лучше с кем сговор вести.

– А я бы ещё поддал, – добавил Адашев, растирая себя веником.

– Звери, – буркнул Санька, но на его душе, после объяснения с царём, Адашевым и снова с царём уже под батогами, было тихо. Даже страх, сжимавший его сердце отступил. Не ушёл, нет, но отступил куда-то в глубину души.

Избитая палками спина потребовала покоя и внимания. Варвара смазала её медвежьим жиром с вощиной и соком трав, а Санька всю ночь пытался сконцентрировать на ней внимание, чтобы снять боль и притянуть из тонкого мира для заживления солнечную силу. Снять боль получилось, а вот живительную силу, как он не тянул к себе, притянуть не удалось. Зато удалось подтянуть свою силу выше горлового энергетического центра. На уровень мысли и даже чуть выше. Саньке не хватило для переворота совсем немного.

– Так вот, значит, зачем ты татей прислать к себе попросил?! – Вдруг сказал государь. – Только сейчас дошло. Ты смотри, не соврал... Сколько ещё душ тебе загубить надо?

– Пять, государь, – соврал Санька.

– Пять?! Эх, дать бы тебе ещё, батогов! – Молвил царь. – Вот дурья башка. Прав Алексей Фёдорович... Лучше самому сгинуть, чем за чужие души себе жизнь купить. Это же души! Дурья твоя башка! Что жизнь. Она сегодня есть, а завтра нет. А душа вечная, и куда она теперь попадёт, твоя душа? И Алексей Фёдорыч, теперича переживает за свою душу... Эх, ты! Дать бы тебе! На кол бы посадил, ей богу... Да убивать тебя нельзя... А жаль!

– Так давай мы быстренько отдадим какого-нибудь татя упырю, и всё. Казни меня сколько хочешь!

– Погодь, погодь... Надо всё обдумать сперва... Да и татей не видать, пока.

– Хоть бы ещё не наши, не православные души были, – встрял Адашев. – То не так жаль.

– Тьфу на тебя, Алексей Фёдорович!

Царь даже перестал обмахивать себя веником.

– Ты, чай, не упырём укушенный?! Что говоришь, то?! У иноверца тоже душа есть! И сколько иноверцев в нашу веру перешли?! А?! А ты не дашь душе покаяться и правый выбор сделать.

Царь показал сначала Адашеву кулак, потом Саньке.

– Вот я вас! Чтобы без моего ведома... Ни-ни!

– А вдруг что случится со мной?

– Не думаю, чтобы я был первым в списке упыря, – сказал цинично государь. – Да и не пятый, поди. Не ври, что я у тебя самый ближний. Лёкса твоя тебе роднее. Мокша, иные родичи. Даже твоя Варвара... Так, что не ври.

Санька «надулся».

– Хотя и их жалко, – посмеялся царь. – Шучу я, но не до шуток мне. Упырь кого выберет, не известно, а рисковать я не хочу. Закрывать бы тебя в башню, но там ты ещё скорее...

– Я в башне на себя руки наложу сразу, – сказал Санька тихо. – Лесной я человек.

Царь снова прекратил обхаживать себя веником.

– Слышь, Фёдорыч, глаголет то как? Обложился чужими душами, аки стеной! Ни казнить его, ни в крепость посадить! Может, сговорился он с упырём, как думаешь?

– Да, не-е-е... При мне всё было. Нечаянно получилось. Я свидетель...

Он вздохнул.

* * *

Через день царь со своей свитой уехали в Ивангород и Санька вздохнул свободнее. В целом Усть-Луга царю понравилась. Стены и башни, конечно, ещё нужно было возводить выше, а для того остался царский розмысл Иван Григорьевич Выродков.

Санькин друг Барма Постник остался в Москве строить храм в честь взятия Казани. Об этом сказал сам государь. Судя по проекту, закончит он его лет через десять.

Выродов включился в строительство крепости сразу по приезду. А Санька из строительства, по понятным причинам выпал.

– Рассказывай, Иван Григорьевич, чего я не так сделал?

– Так-то, всё так, Александр Мокшевич, но на твои основания надо огромные башни и стены ставить. Столько камня нам и за десять лет не пришлют. Ивангородская крепость сама строится... Ям не рвётся камень ломать.

– Будет у нас камень. Посмотри, сначала, мой проект крепости.

Они сидели в той же банной трапезной, ставшей, за время пребывания царя в Усть-Луге, своеобразным штабом. Александр развернул пергамент с планом крепости на столе, придавив его четырьмя кружками. На углах пергамента уже имелось по несколько характерных, слегка липких, окружностей, но это был «рабочий» план.

– Каменной стена будет только вот до этого уровня, – показал Александр разрез северной стены. – Далее пойдёт монолит.

– Монолит, это что?

– Лить стену будем. Лепить. Как из глины.

Видя молчаливое непонимание на лице Выродкова, Санька махнул рукой.

– Я покажу!

Адашев привёз несколько мешков Мокшанского цемента. Остальное должно приехать следом.

Из прошлой жизни Александр знал один парадокс, что если одна лошадь потянет триста килограмм, то две лошади потянут тонну. И ещё, доказал Адашеву и царю, что два коня, запряжённые в одну оглоблю, тянут груз в два раза больший и дальше, чем запряжённые одна за другой... Они с Адашевым даже устроили скачки по коломенской дороге и Санька выиграл. После этого все ямщицкие тягловые повозки переделали под Санькину упряжь, как называли её ямщики.

Для себя Санька организовал в Коломенском конюшенный двор и обучил конюхов объезжать лошадок. За год они подготовили около пятисот пар. За это же время Александр получил прерогативу отбора месячных жеребят, по только ему известным критериям. Их сразу приучали к парной упряжи и управлению длинными вожжами.

Теперь Александр ждал свой тысячесанный обоз со снабжением с особым нетерпением и со страхом. Кормить лошадок и возничих было не чем.

* * *

– Вот, смотри. Берём цемент две части, песок – пять частей, щебень – девять частей. Перемешиваем в этой емкости, закидываем в бочку, добавляем воду, перемешиваем и крутим эту рукоятку. Добавляем ещё немного воды. Крутим. Вываливаем в носилки. Ребята уносят. Давай, давай ребята! Шустрее!

«Ребята» из бригады оборотней подхватили тяжеленные носилки и побежали по деревянному настилу вверх на стену.

– Сюда в бочку заливаем воду, крутим, споласкиваем и тоже выливаем в носилки. Ребята и эти носилки забирают. Забирайте, ребята. А мы пошли следом.

Александр и Выродков поднялись следом за «ребятами», где первая пара уже вылила одни носилки в опалубку стены. Вторая пара вылила цементную воду из вторых носилок в первые, обмыла остаток смеси и смешала с раствором в опалубке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.